
ЖОРА ХАРАКС
ОЛИВЬЕ.
Рецепт, который умер вместе с поваром
Исторический кулинарный детектив
РЕСТОРАН
Рецепт Оливье
18+

ЖОРА ХАРАКС

Оливье. Рецепт, который умер вместе с поваром

«Автор»
2026

ХАРАКС Ж.

Оливье. Рецепт, который умер вместе с поваром / Ж. ХАРАКС — «Автор», 2026

Самый знаменитый салат России. Рецепт, за который готовы убивать.Москва, 1894 год. Люсьен Оливье умер одиннадцать лет назад, но тайна его знаменитого блюда по-прежнему стоит целого состояния.Журналист Илья Ланин получает простое задание: выяснить, кто владеет подлинным рецептом салата оливье. Однако обычная газетная статья превращается в расследование убийства. Ресторанный кладовщик Борисов найден мёртвым, документы противоречат друг другу, а каждый, кто приближается к разгадке, рискует потерять слишком многое.Талантливый повар Крыжин, проницательная Аглая, богатый ресторатор Левитин — у каждого своя правда. И своя цена молчания.За роскошными обедами, французскими соусами и блеском старой Москвы скрывается история об украденном авторстве, любви, предательстве и человеческом достоинстве.**Кто на самом деле создал знаменитый салат? И почему ответ оказался опаснее самого убийства? **Исторический детектив, после которого вы иначе посмотрите на привычное оливье.

© ХАРАКС Ж., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 19
Глава третья 34
Глава четвёртая 46
Глава пятая 58
Глава шестая 74
Глава седьмая 94
Конец ознакомительного фрагмента. 96

Оливье. Рецепт, который умер вместе с поваром

Глава первая

Салат на первой полосе

Москва. 21 мая 1894 года. Ресторан Левитина у Московского ипподрома. Около трёх часов пополудни.

— Вор! Держите вора!

В ресторане Левитина на мгновение стало тихо.

Замолчал даже господин, который уже четверть часа объяснял соседям, почему его лошадь пришла последней исключительно по вине русского правительства.

— Этот мерзавец украл мой билет! — продолжал кричать толстый купец в сером сюртуке, удерживая за воротник молоденького официанта. — На шестьсот рублей выигрышу! Шестьсот! Я его в полицию!

Мальчишка побелел. Ему было лет семнадцать, не больше. Лицо ещё детское, руки большие, нескладные, только что вымытые до красноты.

— Я не брал, ваше степенство.

— А кто брал? Пушкин?!

Купец обвёл зал взглядом, словно надеялся обнаружить покойного поэта среди посетителей и немедленно предъявить ему обвинение.

Илья Сергеевич Ланин, сидевший за соседним столиком, отложил газету.

Он узнал купца. Три года назад тот попытался рассчитаться за обед проигрышным билетом государственной лотереи. Получив отказ, заявил, что в приличном ресторане не умеют обращаться с деньгами.

Теперь, судя по всему, снова столкнулся с трудностями денежного обращения.

— Простите, — сказал Ланин. — У вас действительно был выигрышный билет?

— Был!

— И вы его видели?

— Что за дурацкий вопрос?

— Напротив. Некоторые люди видят выигрыш задолго до того, как узнают результат бегов.

Кто-то из гостей засмеялся.

Купец повернулся к Ланину.

— А вы ещё кто такой?

— Человек, которому мешают обедать. Это положение обязывает меня к справедливости.

— Тогда велите обыскать негодяя!

Ланин посмотрел на мальчика. Тот с отчаянием переводил взгляд с купца на старшего официанта, стоявшего у дверей.

Илья Сергеевич поднялся.

— Прежде чем обыскивать человека, я бы посоветовал обыскать ваш цилиндр.

— Мой что?!

— Цилиндр. Он лежит на соседнем стуле. Из-под ленты торчит уголок бумаги с красным номером.

Купец схватил шляпу.

Билет действительно обнаружился за лентой — тщательно сложенный вчетверо, с номером и кассовым штемпелем.

Минуту его рассматривали все, кому было удобно и кому совершенно не следовало.

— Чёрт знает что! — пробормотал купец. — Сам положил, выходит.

— Прекрасный способ хранения денег, — заметил Ланин. — Удивительно, что банки до сих пор им не пользуются.

Смех стал громче.

Купец отпустил мальчика.

— Ладно. Ступай!

Тот не двинулся.

— Вы сказали, что я вор, ваше степенство.

— Ну и что?

— Ничего, — ответил мальчик.

Но по его лицу было видно, что это «ничего» стоило ему больших усилий.

Старший официант сделал едва заметное движение. Мальчик поклонился и отошёл.

Ланин вновь сел за столик. Вино успело согреться, а рябчик, которого он заказал, окончательно простыл.

Илья Сергеевич подумал, что справедливость, подобно хорошему обеду, редко подавалась вовремя.

Он развернул газету.

На первой странице помещалось известие об очередном большом деле, занимавшем московскую публику. Рядом — объявления, биржевые сведения, разговоры о городской жизни.

А сам Ланин приехал сюда из-за салата.

И от этой мысли ему стало несколько обидно.

✦

За широкими окнами ресторана тянулся сырой московский май. После недавнего дождя мостовая поблёскивала, а в лужах дрожало отражение молодой листвы.

От ипподрома возвращались экипажи. Колёса разбрызгивали грязь, лошади переступали на скользкой мостовой, извозчики бранились с той искренностью, какую обычно берегут для родственников.

У ворот остановился господин с лицом человека, только что потерявшего состояние. Из экипажа он вышел медленно, зато жене помог выбраться с необычайной поспешностью.

Ланин улыбнулся.

Несколько лет работы официантом научили его одной вещи: богатый человек редко бывает откровенен, если говорит, зато почти всегда выдаёт себя, когда платит.

Выигравшие давали чаевые легко, словно деньги достались им по праву рождения. Проигравшие особенно долго изучали счёт и обижались на стоимость огурцов.

Правда, встречались исключения. Один известный московский фабрикант оставлял после каждой крупной победы ровно три копейки, а после проигрыша — целый рубль.

Ланин так и не выяснил, был ли тот щедрым человеком, которого портило счастье, или скупым, которого исправляло горе.

— Илья Сергеевич?

Перед ним стоял старший официант — высокий, сухощавый, с тщательно зачёсанными седыми волосами. Прохор Ерофеевич Ладыгин держался так прямо, что казалось, будто проглотил ресторанное меню вместе с переплётом.

— Прохор Ерофеевич! — обрадовался Ланин. — Я думал, вы давно управляете собственным заведением.

— Управляю. Только хозяин об этом не знает.

Они пожали руки.

— Всё такой же язык, — сказал Прохор.

— А вы всё такой же строгий судья.

— Работа обязывает.

Прохор взял со стола остывшую тарелку.

— Заменю.

— Не надо. Рябчик не виноват в происшествии.

— Именно поэтому заменю. Он не заслужил такой смерти.

Прохор передал тарелку проходившему официанту и, убедившись, что поблизости нет гостей, придвинул стул. Не сел. Старые привычки были сильнее знакомства.

— Мальчишку вы правильно выручили, — сказал он. — Тимофеем зовут. Недавно у нас.

— А что с ним было бы, если бы билет не нашёлся?

— Сначала выгнали бы. Потом обыскали. Потом, пожалуй, выяснили бы, что невиновен.

— В неправильном порядке.

— У нас вся жизнь так устроена. Сперва человека наказывают, а потом начинают интересоваться, за что.

Ланин ничего не ответил.

Ему почему-то вспомнилась заметка, написанная много лет назад. Маленькая, всего в несколько строк. Удачная, как ему тогда казалось.

Он отогнал воспоминание.

— Вы здесь давно?

— Четвёртый год. А вы, слышал, в газетах теперь.

— Случается.

— Большим человеком стали.

— Невелика заслуга. В Москве газетчиков столько, что скоро некому будет попадать в происшествия.

Прохор едва заметно улыбнулся.

— А всё-таки зачем пожаловали? Не ради же рябчика, который теперь дважды пережил смерть.

— Ради салата.

Прохор посмотрел на него с откровенным разочарованием.

— Вот как.

— Что вас смущает?

— Ничего. Просто раньше люди приходили сюда за обедом. Теперь приходят за историей обеда. Скоро, пожалуй, станут спрашивать биографию каждого огурца.

— И прекрасно. Откроете должность огуречного летописца.

— Не дадут. Господин Левитин считает расходы.

При упоминании хозяина Ладыгин невольно выпрямился.

— А что за салат? — спросил он.

— Оливье.

Прохор помолчал.

— Тогда вам не ко мне.

— А к кому?

— К людям, которые умеют его готовить.

— Вы говорите так, словно их несколько.

— А вы полагаете, один человек всю жизнь жарил рябчиков, варил картофель, чистил раков и ещё успевал подавать гостям счета?

— Нет. Но славу обычно получает один.

— Вот вы сами и ответили.

Ланин пригляделся к нему.

Прохор уже смотрел в сторону дверей. В зал вошли новые гости, и старший официант мгновенно перестал быть старым знакомым журналиста.

— Извините, Илья Сергеевич. Должность зовёт.

— А если я спрошу о господине Крыжине?

Прохор остановился.

— О поваре?

— О нём.

— Готовит превосходно.

— И всё?

— Разве для повара этого мало?

Он поклонился и ушёл.

Ланин проводил его взглядом.

Всякий человек, который отвечает на вопрос другим вопросом, достоин внимания журналиста. В особенности если прежде двадцать лет отвечал на вопросы прямые и часто глупые.

✦

Ранее в тот же день. Редакция «Вечернего вестника». Десять часов.

Редактор встретил Ланина с журналом «Наша пища» в руках.

— Читали?

— Что именно?

— Рецепт!

— Какой?

— Вы меня погубите, Ланин. Вся Москва обсуждает салат оливье, а мой лучший журналист интересуется, какой именно!

Редактор преувеличивал.

Москва в тот день обсуждала много вещей: очередной городской скандал, стоимость лошадей, модные спектакли, изменения торговых цен и чьё-то весьма неудачное замужество.

Но редактору хотелось, чтобы Москва обсуждала салат.

— Здесь, — объявил он, потрясая журналом, — напечатали рецепт знаменитого блюда. Одиннадцать лет человек лежит в могиле, а его салат продолжает кормить рестораны. Это ли не тема?

— Для некролога несколько поздно.

— Для некролога поздно, для сенсации — в самый раз! Кто готовит настоящий оливье? Кто знает секрет? Почему одни берут за него целое состояние, а другие уверяют, что приготовят не хуже? И откуда взялась эта история с неизвестной французской рукописью?

— С какой рукописью?

Редактор победоносно поднял палец.

— Вот! Уже интересуетесь.

Ланин взял журнал.

В рецепте были рябчик, картофель, свежие огурцы, каперсы, раковые шейки, провансаль.

Ничего удивительного.

По отдельности каждый из этих продуктов можно было приобрести. Вместе они превращались в знаменитую закуску, за которую состоятельные люди были готовы платить гораздо больше стоимости продуктов.

Впрочем, на этом основании можно было бы объявить великими изобретателями всех московских портных: сукно по отдельности стоило существенно дешевле сюртука.

— Значит, хотите материал о салате?

— На первую полосу.

— Неужели мы отменили все войны?

— Войны читателям наскучили.

— А салат?

— Салат хотя бы можно попробовать.

Редактор придвинулся к нему.

— Слушайте внимательно. Возле ипподрома затевают новое предприятие. Левитин, этот торговец с огромными деньгами, собирается удивить всю Москву. Повар Крыжин уверяет, что располагает подлинной старинной рецептурой. Не той, которую теперь печатают для всякой хозяйки, а настоящей.

— И откуда она взялась?

— Вот и выясните.

— А почему именно возле ипподрома?

— Потому что там находятся люди, у которых после выигранных бегов деньги перестают помещаться в карманах.

— А после проигранных?

— Тогда они идут обедать в кредит. Ресторану всё равно хорошо.

— «Яр» с вами не согласился бы.

— «Яр» прекрасно живёт без моего согласия. А этот Левитин намерен отобрать у него публику. Вот вам и история. Французский салат, русские купцы, большие деньги. Если ещё кто-нибудь кого-нибудь обманул — прекрасно.

— А если никто никого не обманул?

Редактор посмотрел на него с искренним сожалением.

— Тогда вы выбрали не ту профессию.

Илья Сергеевич вышел из редакции с заданием, которое сначала показалось ему унизительным.

Он мечтал о большой журналистике: разоблачать чиновников, выяснять причины преступлений, открывать читателю жизнь города, которую тот не видел за собственными шторами.

Вместо этого ему поручили выяснить, сколько раковых шеек требуется для бессмертия.

Но к полудню он уже не был столь уверен, что тема лишена достоинств.

В конце концов, вокруг хорошего обеда люди способны обнаружить куда больше дурных качеств, чем вокруг плохого.

✦

Тот же день. Ресторан Левитина. Около половины четвёртого.

Новый рябчик оказался превосходен.

Его подали с лёгким запахом жареного масла и дичи, нежного внутри и чуть хрустящего снаружи. Соус не заглушал вкус мяса. Гарнир был приготовлен без той бессмысленной пышности, за которую дорогие заведения иногда требовали деньги с особенной наглостью.

Ланин отрезал кусочек и задумался.

Он любил хорошую кухню, но не принадлежал к людям, способным объяснять её достоинства десятками французских слов.

В его молодости блюда оценивались проще.

Если посетитель съел всё и оставил хорошие чаевые — приготовили удачно.

Если съел всё, но пожаловался, — скорее всего, тоже удачно, только человек был неприятный.

— Господин журналист?

Перед столом появился официант с аккуратными усиками и такой располагающей улыбкой, что Ланин сразу заподозрил его в желании заработать.

— Я вас слушаю.

— Фёдор Цыпин. Прохор Ерофеевич велел передать: если вам понадобятся сведения о меню, я могу помочь.

— Прекрасно. Что у вас сегодня особенно хорошо?

— Всё.

— Значит, спрашивать бесполезно.

— Напротив. Заказывайте смело.

— А салат оливье?

Усики Фёдора приподнялись.

— Есть.

— Настоящий?

— Конечно.

— А чем ваш настоящий отличается от того настоящего, который подают в «Яре»?

Фёдор задумался.

— У нас его готовят здесь, а в «Яре» — там.

— Неоспоримое преимущество.

— К тому же у нас дешевле.

— И это тоже доказательство подлинности?

— Для многих гостей — главное.

Ланин засмеялся.

Фёдор оказался ему симпатичен. Он был из той породы официантов, которые умеют оставаться учтивыми, не превращаясь в мебель.

— Скажите, кто у вас главный повар?

— Егор Матвеевич Крыжин.

— Он действительно знает старинный рецепт?

Фёдор сразу стал осторожнее.

— Я на кухне не командую.

— Но едите?

— Когда позволяют обстоятельства.

— И что думаете?

— Думаю, господин журналист, что человеку следует опасаться двух вещей: дурной пищи и людей, которые слишком много о ней разговаривают.

— Следовательно, я опасен?

— Пока не знаю. Вы ещё не рассчитались.

Илья Сергеевич положил вилку.

— Сколько вы здесь служите?

— Достаточно, чтобы не верить гостям, которые уверяют, будто оставили кошелёк дома.

— А тем, кто утверждает, что выиграл шестьсот рублей?

— Тем особенно. Человек, выигравший шестьсот рублей, обычно первым делом сообщает об этом всем окружающим. А потом начинает занимать деньги.

Фёдор почтительно поклонился.

— Не желаете ли ещё чего-нибудь?

— Пока нет. Хотя скажите... господин Крыжин давно работает с Левитиным?

— Давно знакомы. А теперь большое дело собираются открыть. Вся Москва говорить будет.

— И «Яр» испугается?

— «Яр» никогда никого не боится. Там даже цены такие, что пугаться должны посетители.

Он поспешил к другому столику.

Ланин вынул записную книжку.

«Крыжин. Левитин. Новый ресторан. Старинный рецепт. Борьба с „Яром“».

Он перечитал написанное и поморщился.

Пока получалось объявление, а не статья.

Ему требовался человек. Не история блюда, а человек, который готов ради него на что-нибудь неожиданное.

И желательно предосудительное.

✦

Тот же день. Около семи часов вечера.

Вечером ресторан становился другим.

Дневная публика, возвращавшаяся с ипподрома, ещё обсуждала лошадей. Вновь прибывшие гости предпочитали обсуждать людей. Сегодня орловских рысаков защищали с таким жаром, будто спорили о чести целого отечества; сторонники американских лошадей отвечали цифрами и выигрышами. После бегов эти споры обычно продолжались уже за ужином.

В одном углу двое пожилых купцов спорили о том, какой коньяк следует подавать к дичи.

В другом молодая дама пыталась объяснить своему спутнику, почему он должен перестать играть на тотализаторе.

Спутник соглашался с такой готовностью, что Ланин сразу понял: завтра он снова поедет на ипподром.

За окнами ещё светлел долгий майский вечер.

В зале зажгли лампы. Стекло, полированное дерево и серебро приборов заблестели тёплым светом.

От кухни доносился негромкий звон посуды.

Ланин заметил, как Тимофей Воронов, тот самый обвинённый в краже мальчик, осторожно несёт поднос с бокалами.

Он уже успокоился, хотя движения оставались неловкими.

— Тимофей!

Мальчик остановился.

— Слушаю, сударь.

— Ты давно здесь работаешь?

— Третью неделю.

— И как тебе служба?

— Хорошая, сударь.

— Даже после сегодняшнего?

Тимофей пожал плечами.

— У нас дома семеро. Тут кормят.

Ответ был настолько прост, что Ланину стало не по себе.

— Кто твой хозяин?

— Максим Фёдорович Левитин. Только он редко с нами разговаривает. Всё больше Прохор Ерофеевич.

— А кладовщика вашего знаешь?

— Григория Кузьмича?

— Наверное. Мне пока фамилии не известны.

— Борисов. Его все знают.

— За что?

Тимофей нахмурился.

— Он счёт помнит.

— Какой счёт?

— Всякий. Кто сколько взял, сколько должен, кому недодали.

— Полезное качество.

— Наверное.

— А не любит его кто-нибудь?

Тимофей посмотрел на Ланина с неожиданной серьёзностью.

— Да разве таких людей любят?

И поспешил дальше.

Ланин сделал ещё одну запись.

«Борисов. Кладовщик. Помнит чужие долги».

Впервые за день он ощутил настоящий интерес.

Деньги, ресторан, старинная рукопись, кладовщик, который знает слишком много.

Из такого материала уже можно было приготовить нечто более занимательное, чем салат.

Правда, пока не хватало главного ингредиента — скандала.

✦

Тот же день. Без четверти восемь вечера. Гардероб ресторана.

Перед самым уходом Ланин подошёл к гардеробу.

Прохор Ладыгин стоял у входа и провожал гостей с выражением человека, который за много лет службы убедился: каждый посетитель уходит вовремя лишь в одном случае — если за ним пришла жена.

— Уезжаете, Илья Сергеевич?

— К сожалению. Редактор требует от меня правды.

— Значит, завтра опять придёте?

— Почему?

— С первого раза её здесь редко находят.

Ланин улыбнулся.

— У вас, Прохор Ерофеевич, талант журналиста.

— У меня талант молчать.

— Это для нашей профессии губительно.

— А для моей — спасительно.

Старший официант взял из-за стойки сложенный конверт.

— Вам просили передать.

— Кто?

— Один господин.

— Имя у господина имеется?

— Имеется. Но он предпочёл, чтобы вы прочитали письмо.

Конверт был дешёвый, желтоватый, с неровно обрезанным краем. На лицевой стороне стояло:

«Господину Илье Сергеевичу Ланину. Лично».

Почерк был крупный, твёрдый, почти бухгалтерский.

— Когда передали?

— Минут двадцать назад.

— А сам господин где?

Прохор указал глазами на улицу.

У противоположного края тротуара стоял невысокий пожилой человек в потёртом, но аккуратном пальто.

В одной руке он держал трость, другой поправлял перчатку.

Когда Ланин посмотрел на него, незнакомец слегка приподнял шляпу.

Затем сел в поджидавший экипаж.

— Это Борисов? — спросил Ланин.

— Он самый.

— Почему не подошёл?

— У каждого свои способы знакомиться.

Ланин вскрыл конверт.

Внутри находился листок с несколькими аккуратными строками.

«Милостивый государь Илья Сергеевич!

Мне известно, что Вы интересуетесь подлинным рецептом знаменитого салата.

Советую не торопиться с выводами.

В Москве собираются продать за большие деньги то, что продавцам не принадлежит.

Я могу это доказать документами.

Если пожелаете узнать правду, встретимся завтра. Место и час сообщу особо.

Покуда же прошу никому не говорить о моём предложении.

Г. К. Борисов».

Ниже, более мелкими буквами, стояла приписка:
«В особенности прошу не обращаться за объяснениями к повару».
Ланин перечитал письмо.
Потом посмотрел на экипаж, уже удалявшийся в сторону ипподрома.
— Интересный человек, — сказал он.
Прохор молчал.
— Вы его хорошо знаете?
— Давно.
— Можно ему верить?
Старший официант посмотрел на письмо.
— Григорий Кузьмич редко обманывает, когда говорит, что у него есть бумаги.
— А в остальном?
— В остальном лучше смотреть на бумаги самому.
Ланин спрятал конверт.
— Спасибо. Весьма полезный совет.
— Бесплатный, — уточнил Прохор. — Пользуйтесь, пока не подорожал.
Они простились.
✦
Около восьми часов вечера. Улица возле ресторана.
На улице пахло мокрой землёй, конским потом и дымом.
Илья Сергеевич остановился под фонарём.
Он ещё раз достал письмо.
Незнакомец предлагал ему правду.

Это само по себе было подозрительно.

За годы газетной работы Ланин убедился: правду бесплатно предлагают преимущественно те, кто надеется дорого продать её последствия.

А в этом письме чувствовался расчёт.

Борисов не просил напечатать разоблачение. Не обвинял прямо ни одного человека. Не называл сумму.

Он всего лишь сообщал, что у него есть документы.

И предупреждал, чтобы журналист не разговаривал с поваром.

«Значит, повар должен бояться», — подумал Ланин.

Он вынул карандаш и на обороте конверта написал:

«Кому выгодно, чтобы я заинтересовался?»

Потом остановился.

На ипподроме целый день делали ставки на лошадей.

Здесь кто-то решил сделать ставку на журналиста.

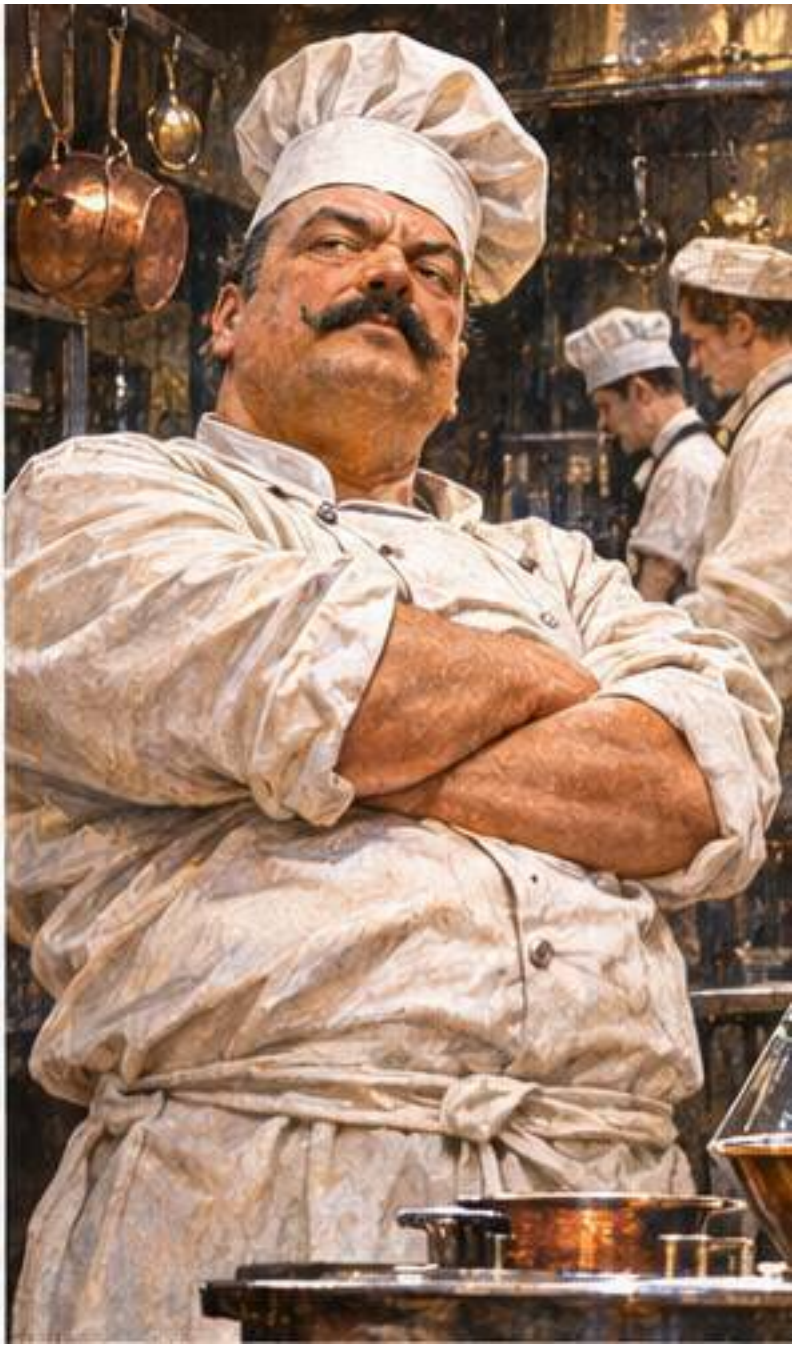
Илья Сергеевич улыбнулся.

Он ещё не знал, кто собирается выиграть.

Но впервые за день ему действительно захотелось выяснить правду.

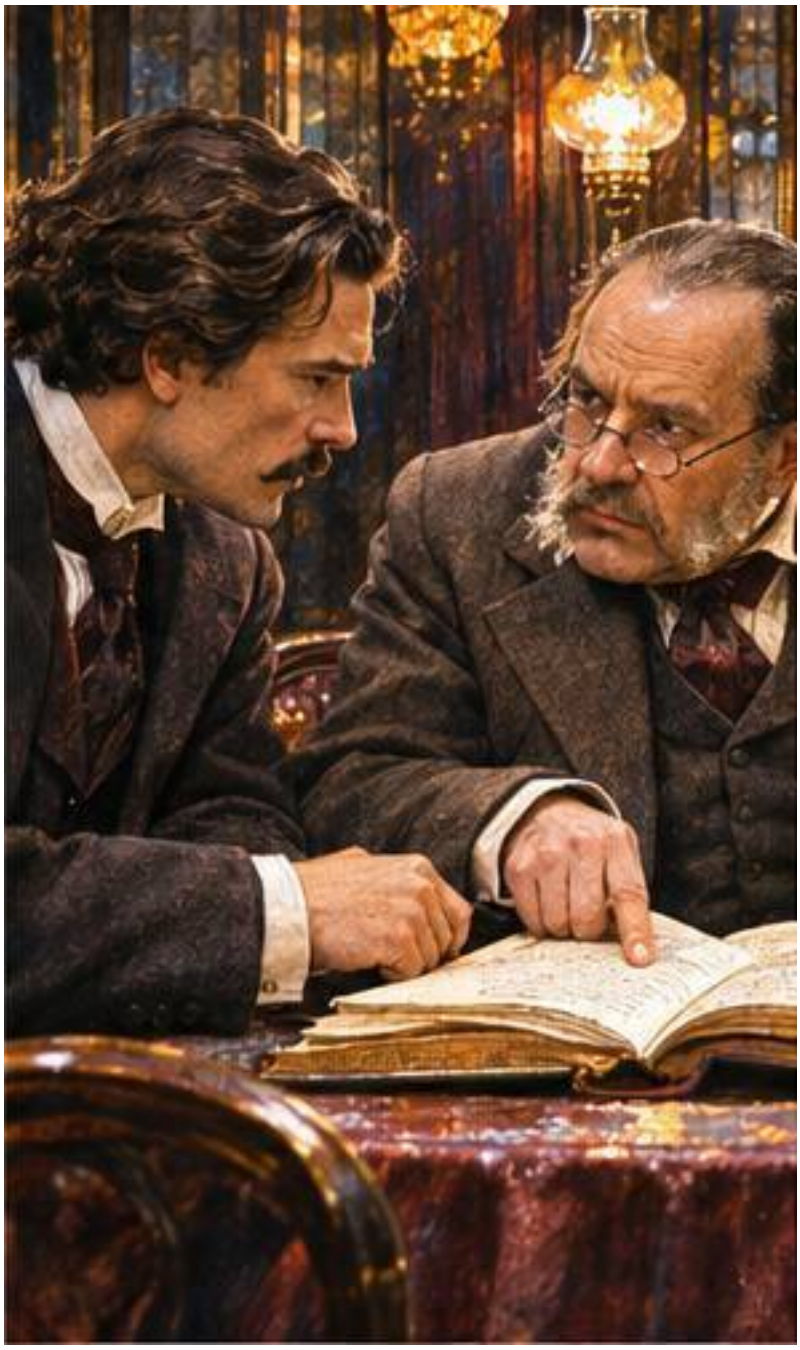
Он уже спрятал конверт, когда заметил под подписью ещё одну строку — почти у самого края бумаги. Раньше она ускользнула от внимания.

«Если господин Крыжин уверяет, что рецепт умер вместе с поваром, спросите его, отчего он так боится живых».



Глава вторая

Сколько стоит француз?



Москва. 22 мая 1894 года. Ресторан Левитина. Около полудня.
— Снимите француза!
Человек с лестницей замер под потолком.
— Какого француза, Максим Фёдорович?
— Которого вы собираетесь повесить над дверью!
— Так ведь это вывеска.

— Я вижу, что не покойник. Снимайте.

Илья Сергеевич Ланин, только что вошедший в ресторан, остановился у гардероба.

Посреди зала стояла высокая стремянка. На верхней ступени балансировал маляр с деревянным щитом, на котором золотыми буквами было выведено:

«Le véritable goût français».

«Подлинный французский вкус».

Под вывеской стоял плотный господин лет сорока пяти, в безупречном сюртуке, с коротко подстриженными усами. Вид у него был такой, будто французский вкус лично оскорбил его ближайших родственников.

— Кто велел писать эту чепуху? — продолжал он.

— Господин Крыжин прислал образец.

— Крыжин отвечает за кухню. А за то, что висит над головой у гостей, отвечаю я.

— Так что же написать?

— Пока ничего. Белое место оставьте.

— Нехорошо будет.

— Лучше белое место, чем чужая глупость золотыми буквами.

Маляр осторожно начал спускаться.

— Максим Фёдорович, — раздался голос Ланина, — если вы таким образом изгоняете французов из Москвы, советую начать с ресторанных меню. Там их значительно больше.

Господин повернулся.

— А вы, должно быть, журналист?

— Увы. По некоторым признакам это уже заметно?

— Человек приличного вида явился среди рабочего дня без всякого дела. Либо журналист, либо родственник.

— Родственникам я бы предпочёл не представляться.

— Максим Фёдорович Левитин.

Они обменялись рукопожатием.

Ланин заметил крепкую ладонь с короткими пальцами. На большом пальце у хозяина белел старый шрам, какой остаётся после неудачного знакомства с ножом. У состоятельных московских предпринимателей подобные следы встречались нечасто.

Левитин перехватил взгляд.

— От поварской работы, — сказал он. — Было время, помогал матери.

— И сохранили палец на память?

— Палец сохранился случайно. Память — намеренно.

Он подозвал Прохора Ладыгина.

— Посадите гостя у окна. Чаю, чего-нибудь холодного. И передайте Егору Матвеевичу, что я прошу его ко мне.

— Господин журналист завтракали? — осведомился Прохор.

— Я собирался.

— Значит, не успели. Это поправимо.

— Только не салат оливье, — попросил Ланин. — Я им ещё не настолько заинтересовался, чтобы есть по обязанности.

— Подадим осетрину, — решил Левитин. — Русскую.

— А бывает другая?

— В меню — сколько угодно.

✦

Окна выходили на дорогу, ведущую к ипподрому.

По ней тянулись экипажи, мимо проходили люди в высоких сапогах, а мальчишки, которым приличнее было бы сидеть в училище, спорили о лошадях с уверенностью старых коннозаводчиков.

Сам ресторан был просторен, но излишней нарядностью не грешил. Здесь ещё чувствовался вкус человека, который предпочитал дорогую добротную вещь модной безделушке.

Резной буфет занимал почти всю торцевую стену. Вдоль окон стояли тяжёлые деревянные кресла, обитые тёмной кожей. На полках теснились расписные блюда и медные сосуды.

Но главное украшение зала находилось напротив входа в служебный коридор.

Сначала Ланин увидел высокий корпус тёмного дерева. Потом — латунные круги, стрелки, маленькие изображения Солнца и Луны. Над главным циферблатом помещались ещё несколько, поменьше. Один показывал месяцы, другой был украшен знаками зодиака. За стеклом медленно двигалась сложная система колёс.

Часы были огромные. Рядом с ними обычные настенные часы казались карманными.

— Вот! — сказал Левитин, проследив за его взглядом. — Вот на что советую обратить внимание!

— Время идёт?

— И не только время.

— Для ресторана этого, впрочем, достаточно.

— Вы смеётесь, а перед вами русская работа. Ржевский купец Волосков. Слыхали?

Ланин поискал в памяти.

— Терентий Волосков? Механик?

— Он самый! Купец, химик, астроном, часовщик. Человек без иностранных академий, а механику понимал лучше многих учёных господ.

Левитин произнёс это с удовольствием, словно часы изготовил лично он.

— Говорят, один такой экземпляр был отправлен государю, — добавил хозяин. — А эти заводить надо всего раз в год.

— Говорят?

— Говорят.

— А вы проверяли?

— Часы?

— Историю.

Левитин нахмурился.

— У меня есть свидетельства прежних владельцев.

— А самого Волоскова?

— Он почти сто лет как умер.

— Неудобство. Особенно при покупке.

Левитин неожиданно рассмеялся.

— Вы подозрительный человек, Ланин!

— Редакция за это и платит.

— Мало, надо полагать.

— Недостаточно, чтобы покупать астрономические часы.

Хозяин подошёл к корпусу и осторожно положил ладонь на полированное дерево.

— Посмотрите, как сделано. Ни одной дешёвой побрякушки. Всё разумно, всё на месте. Русский человек задумал — и русский человек сделал.

— А вы уверены, что именно этот экземпляр его работы?

— Мастер ещё посмотрит. Документы тоже ищу.

— Пока, значит, легенда.

— Легенда — это когда ничего нет, а рассказывать умеют. А здесь часы стоят, идут, планеты показывают.

— Согласен. Часы настоящие. Не установлено только, кто их изготовил.

— Ну и пусть. Вы полагаете, от этого они хуже идут?

Ланин покачал головой. В словах Левитина была своя логика.

И всё же его заинтересовало, насколько легко хозяин отделял качество вещи от достоверности её происхождения.

В эту минуту внутри корпуса что-то негромко щёлкнуло.

Заиграл тонкий металлический звук, затем раздались двенадцать размеренных ударов.

Ланин невольно взглянул на свои карманные часы.

Без двух минут двенадцать.

— По моим часам, ваши спешат на две минуты, — заметил он.

Левитин вытащил собственные часы.

— Или ваши отстают.

— У нас с вами уже два мнения об одном полудне.

— Вот за что люблю русскую жизнь. Даже время у нас каждый понимает по-своему.

— Следователям это чрезвычайно полезно.

— Следователям? — удивился Левитин. — При чём тут следователи?

— Ни при чём. Пока.

Левитин внимательно посмотрел на него.

— Вы действительно журналист или из полиции?

— Журналист. Полицейские предпочитают представляться наоборот.

Хозяин снова засмеялся, но на этот раз Ланину показалось, что смех вышел несколько напряжённым.

✦

Осетрина оказалась превосходной.

Её подали холодной, с хреном и тонко нарезанными огурцами. Рыба была плотной, нежной и сохраняла тот собственный вкус, который хорошие повара стараются подчеркнуть, а плохие — утопить в соусе.

Ланин попробовал кусочек.

— Прекрасно.

— Вот! — сказал Левитин. — Ни одного французского слова не понадобилось.

— Для оценки?

— Для приготовления!

— Куда же вы тогда денете господина Крыжина с его французским салатом?

Левитин отодвинул чашку.

— В этом-то всё и дело.

Он сел напротив и неожиданно стал серьёзен.

— Вы знаете, кем была моя мать?

— Прохор Ерофеевич сообщил, что вы когда-то помогали ей на кухне.

— Кухаркой была. Прасковья Левитина. В хорошем московском доме. Готовила так, что хозяин за столом иногда забывал собственных гостей. Щи — такие, что ложку жалко вынимать. Кулебяку с осетриной могла поставить перед самым капризным человеком. Дичь, рыбу, пироги — всё знала.

Он ненадолго замолчал.

— А потом у хозяина появился француз.

— Повар?

— Разумеется. Не француз же вообще. Хотя по деньгам выходило, будто наняли всё французское государство.

Ланин улыбнулся.

— И что изменилось?

— Жалованье у француза было в пять раз больше. Мать продолжала работать на той же кухне. Только теперь его называли шефом, а её — Прасковьей.

— Она обижалась?

— Нет. Это меня и бесило.

Левитин посмотрел в окно.

— Она говорила: «Максимка, людям важно, чтобы было вкусно». А я спрашивал: «Если вкусно готовишь ты, почему хвалят его?» Она смеялась. Говорила: «Потому что он умеет кланяться перед столом, а я только перед печью».

Ланин перестал записывать. Такой рассказ следовало слушать, глядя на человека, а не в книжку.

— И с тех пор вы не любите французов?

— Неправда. Хорошего мастера я уважаю хоть из Парижа, хоть из Ржева. Не люблю другого: когда русский человек считает собственное произведение лучше лишь после того, как ему дадут иностранное имя.

— Это уже серьёзная программа.

— И весьма дорогая, — сказал Левитин. — Вы хоть представляете, сколько стоит обставить приличный ресторан русской мебелью? Не поддельными боярскими сундуками для приезжих, а настоящей хорошей работой? Сколько стоит заказать посуду, купить достойные ткани, содержать кухню?

— Судя по вашим часам, немало.

— Часы — половина дела. Я хочу открыть заведение, после которого человеку не придёт в голову спрашивать, кто у нас французский повар. Спросит: кто готовит так хорошо? А ему ответят: Егор Матвеевич Крыжин. Русский мастер.

Ланин отложил вилку.

— И для этого вам понадобился салат оливье?

— Именно.

— Французское название вас не смущает?

— Вот оно и смущает!

Левитин даже подался вперёд.

— Салат придумали здесь, в Москве. Не в Париже, не в Лионе. Здесь! Кто чистил раков? Кто готовил дичь? Кто резал овощи и смешивал соусы? Московская кухня. Наши повара.

— Значит, вы считаете, что Оливье ничего не изобрёл?

— Не знаю! — с неожиданной горячностью ответил Левитин. — Может, изобрёл. Может, приказал приготовить. Может, попробовал чужое и сказал: «Превосходно!» А публика запомнила его имя. Но почему никто не спрашивает, чьи руки делали блюдо?

Ланин задумался.

— Очень хороший вопрос.

— Вот! Напишите об этом.

— Сначала хотел бы узнать ответ.

— Мы его получим.

— От кого?

Левитин улыбнулся.

— От человека, который работал на той кухне.

— Крыжина?

— Егора Матвеевича.

— И он знает, кто придумал салат?

— У него есть документы.

Ланин посмотрел на часы Волоскова. За стеклом над циферблатом медленно поворачивалось маленькое латунное колесо.

— Надеюсь, документы надёжнее, чем история о годовом заводе.

Левитин усмехнулся.

— В вас, Ланин, слишком мало веры в людей.

— Напротив. Я верю людям охотно. Особенно когда они говорят правду.

— А если ошибаются?

— Тогда стараюсь понять, кому их ошибка выгодна.

✦

К столу подошёл Прохор Ладыгин.

— Максим Фёдорович, из «Яра» прислали ответ.

Левитин протянул руку.

Прохор передал сложенный листок.

Хозяин прочитал его и медленно положил на стол.

— Вот негодяи.

— Французы? — осторожно спросил Ланин.

— Москвичи. Что ещё досаднее.

— Что случилось?

Левитин постучал пальцем по бумаге.

— Один из постоянных наших гостей собирался заказать большой ужин после бегов. Двадцать человек, не меньше. Хорошие деньги. А теперь пишет, что предпочёл «Яр».

— Потому что там лучше кормят?

— Потому что там лучше умеют уверять, что кормят.

— Для ресторана разница существенная.

— Вы думаете, я не знаю?

Левитин поднялся и подошёл к окну.

Мимо проезжал экипаж с красными колёсами. На козлах сидел человек в новом ливрейном пальто. Лошади шли ровно, будто отлично понимали, что выглядят дороже многих пешеходов.

— Вот они, наши будущие гости, — сказал Левитин. — На ипподроме сегодня проиграют тысячу и даже не заметят. А завтра будут торговаться из-за рубля в ресторанном счёте. Но если убедить такого господина, что за вашим столом его ожидает нечто исключительное, он заплатит не спрашивая.

— За исключительное блюдо?

— За исключительное положение. Блюдо, Ланин, иногда лишь подтверждает, что человек имеет право сидеть именно там, где сидит.

Ланин записал эту фразу.

Левитин заметил.

— Так и напечатаете?

— Возможно.

— Тогда добавьте, что хороший ресторатор обязан одинаково разбираться и в блюдах, и в людях.

— А плохой?

— Плохой знает только цены.

Он вернулся к столу и позвонил.

Появился Прохор.

— Передайте на кухню, — распорядился хозяин, — что на следующей неделе будет большой ужин. Гостей приглашу сам. И не двадцать человек. Тридцать.

— Слушаю, Максим Фёдорович.

— И никаких уступок в качестве.

— Как всегда.

— А если не хватит каких-нибудь продуктов, сообщите заранее. Егор Матвеевич не должен узнать о недостаче в последнюю минуту.

Прохор на мгновение задержал взгляд на хозяине.

— Я передам.

Когда он вышел, Ланин спросил:

— У вас бывают недостачи?

— А у кого их не бывает?

— Я думал, хорошее хозяйство прежде всего исключает недостачи.

— Хорошее хозяйство исключает расточительство, — ответил Левитин. — А от человеческой жадности ещё никто не придумал надёжного запора.

Он взял бумагу из «Яра», разорвал её надвое и бросил в корзину.

— Теперь понимаете, почему мне нужен этот рецепт?

— Чтобы отобрать гостей у конкурента.

— Мало.

— Чтобы прославить русскую кухню.

— И это ещё не всё.

Левитин подался к собеседнику.

— Я хочу сделать так, чтобы московский купец, который сегодня хвастается французским ужином, завтра хвастался русским поваром. И чтобы за это не пришлось снижать цену.

— Благородная цель.

— Вы смеётесь.

— Нет. Просто благородная цель, за которую собираются брать дорого, всегда вызывает у меня профессиональный интерес.

Левитин откинулся на спинку кресла.

— Вот потому я вас и пригласил.

— Неужели ради моих нравственных сомнений?

— Ради вашей газеты.

На этот раз оба рассмеялись.

И Ланин впервые за разговор понял, что хозяин не только тщеславен, но и достаточно умён, чтобы не скрывать своего расчёта.

Это делало его значительно интереснее обычного богатого глупца. И значительно опаснее для доверчивого журналиста.

✦

Егор Матвеевич Крыжин вошёл без стука.

Он был крупнее, чем Ланин ожидал, но двигался легко. Без суеты — с привычной уверенностью человека, которому редко приходилось уступать дорогу на собственной кухне.

На нём был тёмный сюртук. Белый воротничок сидел несколько тесно. Волосы уже тронула седина, а лицо сохраняло румянец человека, привыкшего проводить жизнь возле горячих плит.

В руке он держал небольшую тарелку, прикрытую серебряным колпаком.

— Максим Фёдорович, — сказал он, — мне сообщили, что вы собираетесь воевать с французами.

— Не воевать. Победить.

— Это значительно хуже. На войне хотя бы кормить никого не требуется.

— Егор Матвеевич, познакомьтесь. Господин Ланин, журналист.

Крыжин перевёл взгляд на гостя.

— Очень приятно. Газета какая?

— «Вечерний вестник».

— Читаю иногда. Особенно когда в ней ошибаются.

— Значит, знакомы с нашими лучшими материалами.

Крыжин засмеялся.

Улыбка неожиданно преобразила его лицо. В ней было столько открытой доброжелательности, что Ланин сразу понял, почему этого человека любят работники и гости.

Крыжин поставил тарелку на стол.

— Я принёс попробовать одну вещь.

— Русскую? — спросил Левитин.

— Не беспокойтесь. Французам даже не покажем.

Он снял колпак.

На тарелке лежал аккуратный ломтик холодной птицы, окружённый прозрачным желе. Внутри виднелись тонкие полоски мяса, светлые кусочки грибов и зелень. Рядом лежала крошечная горка маринованных овощей.

Блюдо выглядело просто.

Но Ланин, успевший кое-что понять о хорошей кухне за годы службы, сразу заметил точность работы: ровную поверхность желе, чистые линии среза, отсутствие лишнего украшательства.

— Пробуйте, — сказал Крыжин.

Ланин попробовал.

Сначала почувствовал прохладу желе, затем мягкий вкус птицы, лёгкую кислинку маринада и аромат грибов. Одно не перебивало другого.

— Кто готовил?

Крыжин приподнял брови.

— Вопрос странный. Я же принёс.

— Принести и приготовить — разные занятия.

— Вижу, вы не совсем чужой кухне человек.

— Служил когда-то в ресторане.

— А-а. Значит, понимаете, что блюдо не рождается само собой.

— Именно поэтому и спрашиваю.

Крыжин внимательно посмотрел на него.

— Готовили у нас. По моему указанию. Теперь скажите, нравится?

— Очень.

— Вот это и есть главное. Остальное — хозяйственные подробности.

Левитин ударил ладонью по столу.

— Слышите, Илья Сергеевич? Русская кухня! А вы мне всё о французах!

Крыжин осторожно вернул колпак на тарелку.

— Не торопитесь, Максим Фёдорович. У французов есть чему учиться.

— Вот вы опять!

— И у немцев. И у итальянцев. Хорошая кухня не знает границ.

— А я хочу, чтобы русский повар имел собственное имя!

— Так дайте ему сначала хорошую плиту, свежие продукты и людей, которые умеют работать. Тогда появится и имя.

Левитин посмотрел на Ланина.

— Вот! Даже он против моей идеи!

— Напротив, — возразил Крыжин. — Я против того, чтобы хорошую мысль испортили плохим исполнением.

Он говорил спокойно, но за этой уверенностью Ланин почувствовал человека, привыкшего не только распоряжаться, но и отвечать за результат.

Таких людей трудно было не уважать. И ещё труднее — переубедить.

— Егор Матвеевич, — спросил журналист, — а что вы думаете об авторстве салата оливье?

Крыжин улыбнулся.

— Думаю, что человек, который его придумал, обладал хорошим вкусом.

— Кто именно?

— Вот это уже другой вопрос.

— Господин Левитин уверен, что рецепт создал русский повар.

— Максим Фёдорович уверен во многом, — сказал Крыжин. — Например, что любой русский столяр должен работать лучше иностранного. А столяр иногда хочет просто получить деньги.

— Вы опять смеётесь надо мной! — возмутился Левитин.

— Только из уважения.

— А документы? — напомнил журналист.

Крыжин посмотрел на него уже без улыбки.

— Какие документы?

— Подтверждающие происхождение знаменитого рецепта.

— Разумеется, имеются определённые материалы.

— Можно увидеть?

Левитин хотел что-то сказать, но Крыжин остановил его движением руки.

— А зачем вам, Илья Сергеевич?

— По службе.

— Что ж. Неплохой повод.

Он подошёл к буфету, достал небольшую кожаную папку и вернулся к столу.

— Только прошу понять одну вещь. Рецепт — не стихотворение. Его редко сочиняет человек, сидящий в одиночестве за письменным столом.

— А как же сочиняют?

— Приготовили. Попробовали. Изменили. Передали другому повару. Тот прибавил своё. Третий испортил, четвёртый исправил. Через десять лет вы получите блюдо, которого не узнал бы первый мастер.

— Выходит, авторов много?

— Работников много. А руководить должен один.

Он произнёс последнее слово так отчётливо, что Ланин поднял глаза.

— Почему?

— Потому что иначе на кухне будет не обед, а собрание.

Левитин одобрительно хмыкнул.

Крыжин открыл папку.

Внутри лежали несколько листов с французскими строками. Бумага была разного оттенка. Часть записей выполнялась крупным наклонным почерком, часть — более мелким, почти ученическим.

Ланин потянулся к одному из листов.

Крыжин придержал край.

— Осторожно. Некоторые бумаги старые.

— Насколько?

— Достаточно.

— Чтобы быть подлинными?

— Чтобы требовать бережного обращения.

— А кто их написал?

Крыжин посмотрел на Левитина.

— Вот это мы как раз и собираемся установить.

Журналист с интересом отметил перемену.

Ещё минуту назад повар говорил с уверенностью человека, для которого всё в мире имело точный рецепт. Теперь предпочёл осторожное выражение.

— И вы считаете, что бумаги приведут к русскому создателю салата?

— Я считаю, — ответил Крыжин, — что они могут кое-что рассказать о работе старой кухни «Эрмитажа».

— Значит, пока не доказано?

— Вы, Илья Сергеевич, слишком любите слово «доказано».

— А вы?

— Я люблю слово «приготовлено».

— Оттого, наверное, нам с вами будет интересно разговаривать.

Крыжин вновь улыбнулся.

— Приходите завтра на кухню. Посмотрите, как готовят люди, прежде чем рассуждать, кто всё придумал.

— Приглашение принимаю.

— Тогда познакомлю вас с нашими поварами. И с одной дамой, которая сумеет объяснить вам о холодной кухне значительно больше, чем я.

— О даме?

— Об Аглае Антоновне Поливановой.

Имя ничего не сказало Ланину. Пока.

✦

Крыжин уже собирался закрыть папку, когда Левитин указал на лист с французскими строчками.

— А это что?

— Перевод.

— Чей?

— Софьи Борисовны. Она хорошо знает французский.

— Ах да, Софья! — оживился Левитин. — Прекрасно образованная девушка.

— Дочь нашего Григория Кузьмича, — пояснил Крыжин.

— Борисова? — спросил Ланин.

Повар поднял глаза.

— Вы его знаете?

— Он написал мне письмо.

На мгновение в комнате стало тихо.

Не настолько, чтобы это показалось необычным человеку постороннему. Но Ланин давно усвоил: иногда важнее всего не то, как человек отвечает на вопрос, а сколько времени ему требуется, чтобы ответить.

— Григорий Кузьмич любит письма, — произнёс наконец Крыжин.

— А вы?

— Предпочитаю разговор.

— Он утверждает, что располагает сведениями об авторстве салата.

— У Григория Кузьмича очень хорошая память.

— На что?

— На всё, за что ему когда-нибудь не заплатили.

Левитин рассмеялся, но Крыжин не поддержал его.

— Борисов долго занимался ресторанными делами, — продолжил повар. — Многое знает. Только иногда путает собственную осведомлённость с правом судить о чужом труде.

— Значит, его сведениям нельзя верить?

— Я этого не говорил.

— А что сказали?

Крыжин закрыл папку.

— Что хорошая память ещё не делает человека хорошим свидетелем.

Ланин записал. На этот раз повар не возражал.

— Покажите мне завтра кухню, — сказал журналист.

— С удовольствием.

Крыжин поднялся.

— Только приходите пораньше. После полудня там уже не место для праздных разговоров.

— Я умею не мешать.

— Это редкий дар. Особенно среди журналистов.

Он поклонился и направился к служебному коридору.

У дверей его остановил Тимофей Воронов, несший поднос со стаканами.

Один стакан опасно накренился.

Крыжин успел придержать его рукой.

— Полегче, братец. Ты ведь не лошадей на бега выводишь.

— Простите, Егор Матвеевич.

— Если стакан разобьёшь, новый купить можно. А вот руки порежешь — кто мне работать станет?

Он поправил поднос и ушёл.

Ланин проводил повара взглядом.

Вчера этот мальчик чуть не потерял место из-за чужого забытого билета. Сегодня знаменитый повар обошёлся с ним добрее, чем многие господа — с собственными детьми.

Никакого злодея в Егоре Матвеевиче не было видно.

Да и почему, собственно, он должен был там быть?

Пока имелись только старинный салат, богатый инвестор и неприятный кладовщик.

Для хорошей газетной истории этого хватало. Для преступления — ещё нет.

✦

Крыжин ушёл. Левитин некоторое время смотрел ему вслед.

— Вот настоящий мастер.

— Согласен.

— А вы сомневались.

— Я сомневался в происхождении рукописи, а не в его умении готовить.

— Для вас всё отдельные вопросы.

— Именно. Иначе выходит, что человек, прекрасно жарящий рябчиков, никогда не может ошибаться.

— Егор Матвеевич не из тех, кто легко ошибается.

— Значит, его ошибки обходятся особенно дорого.

Левитин вдруг усмехнулся.

— Странный вы человек, Ланин. Я хочу, чтобы вы написали о великолепном русском поваре, а вы всё ищете, в чём он неправ.

— Если не найду, напишу о том, в чём он прав.

— Скучно получится.

— Вы уже рассуждаете как мой редактор.

Хозяин встал.

— Так всё-таки что напишете?

— Пока ничего.

— Совсем?

— Совсем.

— Почему?

— Не люблю писать о документах, которых не прочитал, и о людях, которых не понял.

Левитин посмотрел на него с неожиданным уважением.

— А я думал, журналистам всё равно.

— Некоторым всё равно. Они обычно быстрее других становятся знаменитыми.

В эту минуту часы пробили половину первого.

Ланин вновь посмотрел на карманные: по ним было без двух минут половина первого.

Возможно, спешили часы на стене. Возможно, отставали его собственные.

Он сделал маленькую запись на чистой странице книжки:

«Астрономические часы. Разница — две минуты. Проверить».

Левитин заметил.

— Вы даже про часы записываете?

— Всё записываю.

— Зачем?

— Хорошая память, Максим Фёдорович, нужна для того, чтобы помнить важное. А бумага — чтобы не забывать мелочи.

— И какая вам польза от двух минут?

— Сейчас никакой.

— Тогда зачем?

Ланин спрятал книжку.

— А кто знает, когда они понадобятся?

✦

Тот же день. Около четырёх часов пополудни.

Перед уходом Ланин вновь встретил Прохора.

— Егор Матвеевич вас очаровал? — спросил старший официант.

— Хороший повар.
— Лучшего поискать.
— И хороший человек?
Прохор неторопливо поправил манжету.
— Смотря кому.
— Странный ответ.
— Для официанта обычный.
Ланин задумался.
— Прохор Ерофеевич, а почему Борисов не любит Крыжина?
Старший официант поднял глаза.
— Кто вам сказал, что не любит?
— Я так понял.
— Григорий Кузьмич многим обязан Егору Матвеевичу.
— А Егор Матвеевич ему?
— Это лучше у них спросить.
— Значит, оба друг другу обязаны?
— У нас в Москве, Илья Сергеевич, долгов больше, чем денег.
— И кто кому должен?
— Вот когда выясните, тогда и напишете хорошую статью.
Прохор повернулся к гардеробу.
— Кстати, вас спрашивали.
— Кто?
— Григорий Кузьмич.
— Он был здесь?
— Проходил.
— Когда?
— Недавно.
— И что сказал?
Прохор вынул из кармана сложенную бумажку.
— Просил передать.
Ланин узнал тот же крупный бухгалтерский почерк.
На этот раз письмо было совсем коротким.
«Милостивый государь Илья Сергеевич!
Сегодня встретиться не смогу. Обстоятельства переменились.
Мне стало известно, что Вы беседовали с Максимом Фёдоровичем и Егором Матвеевичем.
Если Вы действительно хотите разобраться в старинном рецепте, прошу помнить одну вещь: кухарные книги рассказывают о блюдах то, что повара желают рассказать.
А расходные книги — то, за что им платили.
Г. Борисов».
Ниже стояла приписка:
«Настоящую цену французского салата следует искать в русских счетах».
Ланин дочитал и посмотрел на Прохора.
— Борисов видел меня сегодня?
— По всей вероятности.
— Почему же не подошёл?
— Не знаю.
— Он часто меняет решения?
— Когда дело касается денег, Григорий Кузьмич редко делает что-нибудь случайно.

— А вас он тоже просил ни о чём не говорить?

Прохор помолчал.

— Он просил передать записку. Я передал.

— Прекрасно умеете отвечать, не отвечая.

— Служба.

Ланин положил письмо в карман.

— Скажите ещё одно. Зачем кладовщику хранить сведения о старых рецептах?

— По-разному бывает. Один хранит на память. Другой — чтобы не забыть, кто что должен.

— А Борисов?

Прохор поглядел на двери служебного коридора.

— Григорий Кузьмич, пожалуй, из тех, кто предпочитает, чтобы другие помнили.

Он поклонился и ушёл.

✦

На улице было прохладно.

От ипподрома доносились голоса и цокот копыт. У обочины стояли экипажи, извозчики перекликались, а молодой человек с великолепной тростью объяснял пожилому спутнику, почему проигрыш следует считать временным недоразумением.

Ланин остановился возле фонаря и перечитал записку.

Ему хотелось узнать, какие именно счета имел в виду Борисов.

И почему этот человек так старательно избегал личной встречи, хотя сам же её предложил.

Судя по всему, кладовщик собирался продать ему нечто большее, чем старый ресторанный секрет.

Вчера Ланин полагал, что история оливье сводится к вопросу, кто приготовил знаменитый салат. Сегодня выяснилось, что вопрос значительно сложнее.

Кому принадлежит рецепт? Кто оплатил его создание? Кто получил славу?

И почему один человек, работавший когда-то на ресторанном складе, был уверен, что ответы на эти вопросы стоят больших денег?

Ланин взглянул на широкие окна ресторана.

За стеклом виднелись большие часы. Маленькие латунные планеты продолжали свой неспешный путь.

Он вдруг подумал, что для человека, желающего доказать историческую правду, Левитин удивительно легко верит красивым историям.

Впрочем, ничего удивительного. Илья Сергеевич давно заметил: люди особенно охотно верят сведениям, за которые уже успели заплатить.

Он развернулся и пошёл к извозчичьей стоянке.

Завтра ему предстояло познакомиться с кухней Крыжина. А сегодня следовало написать редактору хотя бы несколько строк.

Он вынул записную книжку и на чистой странице вывел заголовок:

«СКОЛЬКО СТОИТ ФРАНЦУЗ?»

Заголовок получился удачным.

Ланин подумал и поставил после него вопросительный знак.

Потом дописал:

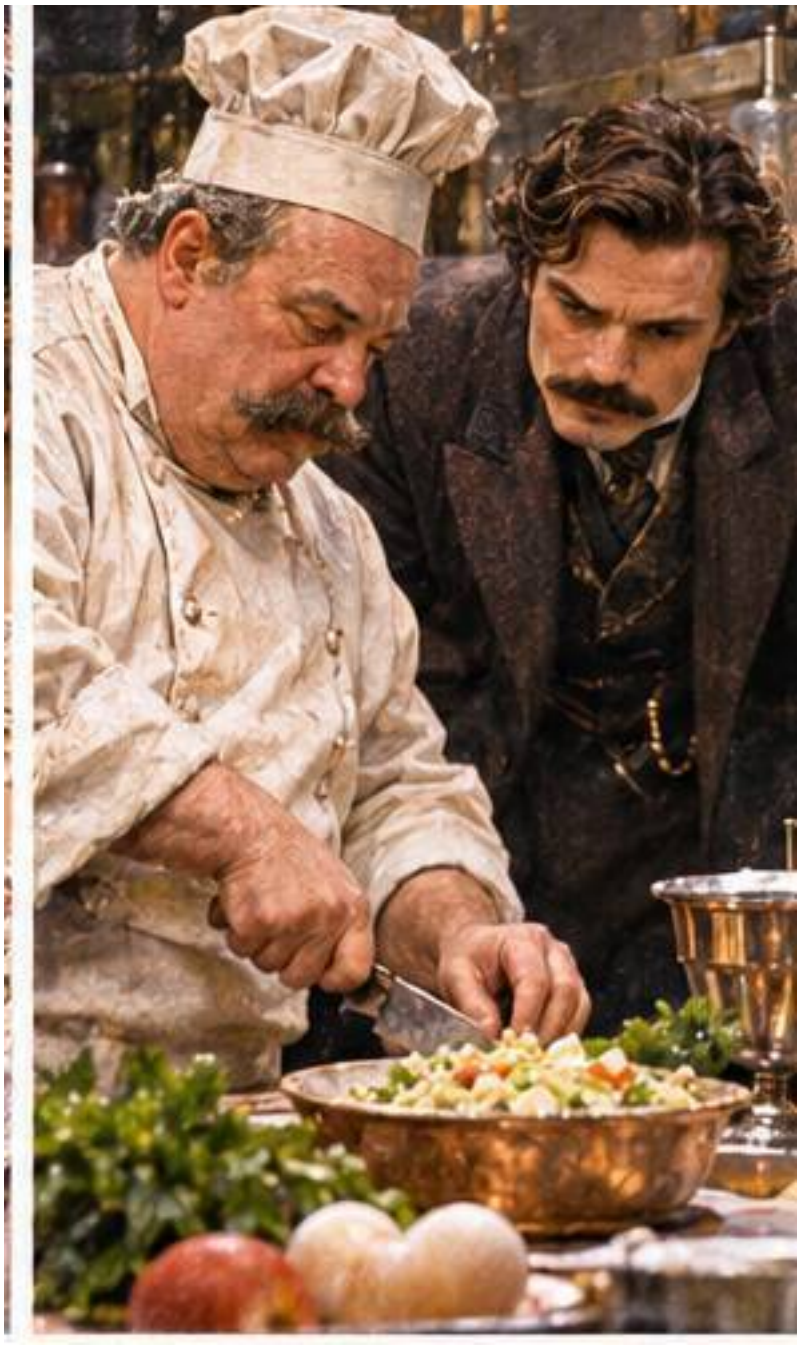
«Крыжин — повар. Левитин — деньги. Борисов — счета. Софья — перевод. Кто автор?»

Ланин некоторое время смотрел на запись. После слов «Кто автор?» он оставил место для фамилии.

День прошёл в разговорах о знаменитом блюде. Левитин называл его национальным достоянием, Крыжин — работой кухни, Борисов обещал счета. Ни один не назвал человека, который первым поставил салат на стол.

Журналист провёл на странице короткую черту — ровную, как в приходной книге.

Место для имени было готово. Самого имени не было.



Глава третья

Кухня без французов

Москва. 23 мая 1894 года. Ресторан Левитина. Около девяти часов утра.

Лимон пах селёдкой.

— Кто позволил резать лимоны селёдочным ножом?

Илья Сергеевич Ланин остановился на пороге кухни.

Молодой поварёнок положил нож так поспешно, словно тот собирался дать против него показания.

— Я его вымыл, Аглая Антоновна!

— Вижу. А запах куда дели?

— Какой запах?

— Вот и я спрашиваю. Лимон пахнет селёдкой. Селёдка, надо полагать, теперь пахнет лимоном. Вы решили облегчить мне работу?

— Я думал…

— Павел, думать полезно. Но прежде посмотрите, чем работаете.

Ланин невольно улыбнулся.

Женщина стояла у длинного стола возле окна. Тёмное платье было прикрыто белым передником; рукава закатаны до локтей, волосы убраны под чепец, из-под которого выбилась непослушная прядь. Ей было лет тридцать семь. Не столько красивая, сколько выразительная: в её лице всё было занято делом, и даже серые глаза, казалось, проверяли собеседника на свежесть.

— Вы к кому? — спросила она, заметив гостя.

— К Егору Матвеевичу Крыжину.

— Его нет. А руки со стола уберите.

Ланин послушно отдёрнул ладонь. Под ней лежала стопка чистых полотенец.

— Простите.

— Ничего. Первую ошибку прощаем.

— А вторую?

— Смотря какую. Павел, новый нож. И новую цедру. Эту оставим для тех господ, которые уверены, что настоящий французский соус непременно должен пахнуть издалека.

Паренёк исчез.

— Аглая Антоновна Поливанова, — представилась женщина.

— Илья Сергеевич Ланин.

— Знаю. Прохор Ерофеевич предупредил: явится журналист, прежде служивший официантом. Просил беречь.

— Очень трогательно.

— Ещё улыбался. Я решила, что вы принесёте нам неприятности.

— Неужели такая дурная репутация?

— Пока никакой. Поэтому и опасаюсь.

Она вернулась к работе. Ланин остался у порога.

— Ну? — спросила Аглая, не оборачиваясь.

— Жду разрешения смотреть.

— Смотрите. Только не помогайте. Вчера здесь уже помогали.

— И чем кончилось?

— Тремя испорченными рябчиками и двумя сытыми собаками.

✦

Кухня не имела ничего общего с миром, в который приглашали посетителей.

В зале пахло полированным деревом, табаком, вином и духами. Здесь — бульоном, жареным маслом, рыбой, зеленью и горячим хлебом. За стеной гудели плиты; кто-то рубил мясо на деревянной колоде, перестукивались ножи и медные крышки. Молодой работник пробежал мимо с корзиной корнеплодов, прижимая её к груди, точно младенца.

В горячем отделении царила суета. У холодного стола Аглаи — быстрый, но безошибочный порядок.

На полках стояли миски с раковыми шейками, каперсами, огурцами и зеленью; рядом остывал прозрачный ланспик. На блюде лежали ровные ломтики отварного языка. В другом углу — холодная птица. Ничего случайного, ничего лишнего.

Ланин невольно припомнил годы официантской службы. Перед выходом в зал все эти продукты становились «блюдом от шефа». А пока не было шефа, их чистили, варили, резали, охлаждали десятки человеческих рук.

— А где у вас французы? — спросил он.

— В каком смысле?

— Левитин хочет доказать, что русская кухня не хуже французской. Крыжин занят старинным французским салатом. Но работников я вижу здешних.

— Такова неприятность для французской кухни: на неё здесь работают русские. Вас это смущает?

— Напротив. Максим Фёдорович был бы доволен.

— Максим Фёдорович будет доволен, если обед выйдет хорошим, а расход — разумным.

Аглая подняла ложку густого светлого соуса, провела ею по фарфору и нахмурилась.

— Вы о салате оливье спрашивать пришли?

— Да.

— Готовить умеете?

— Есть умею прекрасно.

— Многие умеют. Только после них больше посуды.

— Я прежде служил в ресторане. Разницу между хорошим и плохим блюдом понимаю.

— И между хорошим и плохим официантом?

— Ещё лучше.

— Тогда знаете: за обед благодарят владельца, хвалят повара, а за опоздание бранят того, кто вынес тарелку.

— Я бы подписался под каждым словом.

— Зря. Подписывать следует только то, что прочитали.

Она поставила перед ним три маленькие тарелки.

— Пробуйте.

— В каком порядке?

— В любом. Это не экзамен по этикету.

✦

На каждой тарелке лежал кусочек холодной птицы под соусом. На взгляд блюда почти не различались.

Первая закуска была хороша. Вторая — мягче, но менее выразительна. В третьей чувствовалась едва заметная острота, после которой хотелось снова взять вилку.

— Третья, — решил Ланин.

— Что третья?

— Лучше.

— Чем?

— Тем, что её хочется съесть всю.

Аглая чуть улыбнулась.

— Для гостя достаточно. А для повара?

— Для повара, боюсь, маловато.

— Тогда смотрите. Первую заправили раньше нужного; соус простоял в тепле. Не испортился — я бы не дала вам попробовать, — но свежесть ушла. Во второй птица недостаточно остыла. Видите, соус стекает? На третьей всё пришлось вовремя.

Она приподняла кусочек вилкой. На второй тарелке соус пополз к краю, на третьей держался ровным слоем.

— Холодная кухня, Илья Сергеевич, не терпит приблизительности. Тут пять лишних минут способны повредить больше, чем полчаса у плиты.

Ланин потянулся к записной книжке.

— А третью вы приготовили?
— Павел.
— Тот самый, с лимонами?
— Он. Руки у него толковые. Голова пока бегает отдельно.
— Но научили его вы?
— Кое-чему.
— Значит, чьё это блюдо?
Аглая вытерла руки.
— Приготовил Павел. Указания мои. А рецепт… Рецепт ещё надо выяснять, чей.
— Вы говорите так, будто это совсем разные профессии.
— Повар готовит, руководитель отвечает, хозяин продаёт. Путать их удобно, но дорого.
— Кому дорого?
— Обычно тому, чьего имени нет в счёте.
Ланин раскрыл книжку.
— Повторите последнюю фразу.
— Зачем? Вы уже услышали.
— Для точности.
— Для точности сначала поймите. Потом записывайте.
✦
Из горячего отделения донёсся голос:
— Кто забрал чистый сотейник?
— У вас шесть! — отозвалась Аглая.
— Было семь!
— Значит, один ушёл искать места потеплее. Под плитой гляньте!
Загремело железо.
— Нашёл! — крикнули оттуда.
— Передайте ему, что на новом месте жалованья не прибавят.
Ланин засмеялся и, испросив разрешения, сел на табурет.
— Вы тут всеми командуете?
— Здесь — да. На горячей кухне у каждого свой начальник и свои несчастья.
— А Крыжин?
— Егор Матвеевич отвечает за всю кухню.
— Значит, вы ему подчиняетесь.
— В служебные часы. Неужели вы пришли выяснять штатное расписание?
— Я хотел спросить, почему вы не откроете собственного ресторана.
Аглая прекратила резать.
— Вот теперь разумный вопрос.
— И ответ?
— Денег нет.
— У Левитина деньги есть. Он обожает русских мастеров.
— Особенно тех, что работают у него по найму.
— Это несправедливо. Он вправду хочет прославить русскую кухню.
— Прекрасно. Пусть прославит. А я хочу свою — пусть небольшую — кухню и право подписываться под собственной работой.
— Разве здесь вам не дают работать?
— Работать — сколько угодно. Тут даже просить не нужно.
Она поправила полотенце на краю стола.

— Быть хозяйкой кухни и владеть своим делом — не одно и то же, Илья Сергеевич. Вы ведь, когда служили официантом, распоряжались чужим обедом. Это не делало вас владельцем ресторана.

— Метко.

— Опыт. Вам положить ещё соуса?

— Нет, спасибо. Кажется, уже получил достаточно.

Она посмотрела на его книжку.

— Это напечатаете?

— Без разрешения не стану.

— Посмотрим. У газетчиков обещания иногда исчезают быстрее утренней выпечки.

— У некоторых.

— Буду рада ошибиться.

✦

Около половины одиннадцатого кухня заговорила громче. Внесли зелень и рыбу, поварёнок унёс котёл, а из хозяйственного коридора появился Григорий Кузьмич Борисов.

Кладовщик держал потёртую книгу обеими руками. Шёл не спеша, как человек, у которого остальные уже давно числятся должниками.

— Доброго здоровья, Аглая Антоновна. Одна минутка сверки.

— Здравствуйте, Григорий Кузьмич. Если одна — успеем.

Борисов разложил книгу на сухом месте.

— За вчерашнее число: раковых шеек выдано на двадцать штук. На блюдах отмечено восемнадцать. Недостача — две штуки.

— Один рак негодный. Второго Павел уронил.

— Прекрасно. Тогда впишем стоимость второго на Павла. По ведомости.

— Не впишем.

— Простите?

— Он исполнял моё распоряжение. Случайная потеря — на кухню.

— Ах, на кухню. Стало быть, издержки заведения. Разницу оплачивает хозяин. Верно понимаю?

— Верно.

Борисов потянул к себе карандаш.

— Я не против. Только у хозяйства есть числа, а у чисел — неприятная привычка сходиться.

— У соусов тоже. Но одними числами их не приготовишь.

— Да-с, вкус записать трудно. Зато расход — легче лёгкого. Значит, две штуки в порчу. Число и причина установлены.

Он вывел запись, поставил точку, снял очки и заметил Ланина.

— Илья Сергеевич! Вижу, приступили к исследованиям.

— Уже начинаю подозревать, что вы умеете читать мои мысли по расходной книге.

— Мысли в книгу не вносят. От них приход не увеличивается.

— А письма писать умеете охотнее, чем встречаться.

— В письме всё остаётся на бумаге, любезный. Это полезно обеим сторонам.

— Вы обещали показать документы о салате.

— Обещал ознакомить со сведениями. Это, согласитесь, не совсем одно и то же.

— Что же может сказать об авторстве салата кладовщик?

Борисов сложил очки.

— Поваренная книга сообщает, как полагается готовить. Расходная — сколько за это заплачено. А в расчётах иногда попадаются фамилии, которых в поваренных книгах нет.

— У вас такие записи есть?

— Что не сохранилось, того нет. Что сохранилось — ещё надо разобрать. Я не любитель голословных заявлений.

— А любитель чего?

— Аккуратного расчёта, Илья Сергеевич. Без него и дружба не в радость.

Он повернулся к Аглае.

— Вы ведь не забыли наш прежний расчёт? Восемьдесят шестой год.

Аглая положила нож на доску лезвием от себя.

— Не забыла.

— Прекрасно. Особенно приятно, когда память у обеих сторон совпадает. И подписи, разумеется.

— Вы считаете продукты, Григорий Кузьмич. Вот и считайте.

— Считаю-с. Я ничего сверх счета не прошу.

Он закрыл книгу, придерживая пальцем вложенную закладку.

— Всего доброго. Илья Сергеевич, заглядывайте в записи. Там бывает любопытнее, чем в газетах.

Уже у двери Борисов остановился.

— Аглая Антоновна, старые бумаги, знаете ли, не стареют так быстро, как люди.

— Тогда берегите их от сырости.

— У меня сухо.

Он вышел.

Ланин посмотрел на Аглаю. Та работала, не поднимая головы, но нож в её руке двигался медленнее прежнего.

— Вы давно знакомы?

— Давно.

— Дружите?

— А вы дружите с тем, кто сначала оценит разбитую тарелку, а потом спросит, не порезались ли вы?

— Приходилось. Редакторы.

Она коротко рассмеялась.

— Он вас пугает? — спросил Ланин.

— Нет. Он напоминает. Это разные вещи.

— Что напоминает?

— Возвращайтесь к салату, Илья Сергеевич. О нём вы пока знаете меньше всего.

Но Ланин уже понял: за вчерашними раками и сегодняшней сверкой пряталось дело восьмилетней давности.

✦

Егор Матвеевич Крыжин вошёл из горячего отделения, вытирая руки белым полотенцем. Румяный, широкоплечий, с немного тесным воротничком, он двигался легко — как человек, для которого тесная кухня была роднее просторной гостиной.

— С добрым утром, мои дорогие! Что у нас на холодном фронте?

— Лимоны, раки и приходная книга, — ответила Аглая.

— Значит, всё спокойно. Пока нет гостя, который потребует селёдку без запаха рыбы.

Он увидел Ланина.

— А вот и человек, который пожелал изучать хорошую кухню, не надевая передника. Устроились?

— Аглая Антоновна уже устроила мне испытание тремя тарелками.

— И какую выбрали?

— Третью.

— Поздравляю. Место младшего помощника пока не обещаю, но вы на верном пути.

Он взял чистую ложку, попробовал соус и нахмурился от удовольствия.

— Вот это работа. Аглая Антоновна, не зря вы у меня трудитесь.

— Я тоже иногда так думаю.

— Только каперсов чуть меньше. Самую малость.

— Там уже меньше, чем в прошлом месяце.

— Значит, верное направление.

— Ещё два месяца, и их не останется.

— Зато как удивится Григорий Кузьмич, когда ему перестанут предъявлять расход!

Крыжин засмеялся от души.

— Аглая Антоновна большой мастер, — сказал он Ланину. — Помню её ещё девчонкой.

— Мне тогда двадцать четыре было, Егор Матвеевич.

— Для меня девчонкой. А нынче без вас холодная кухня и дня не выдержит.

— Выдержит. Только кормить никого не станет.

— Вот видите? Ученица не упускает случая учителя поправить.

— Вы вместе работали в «Эрмитаже»? — спросил Ланин.

— Приходилось. И трудные дни там бывали, и славные. При хорошем столе человеку кажется, будто блюдо родилось на серебряном блюде. А ведь прежде его кто-то добыл, приготовил, проверил.

— И салат оливье вы там готовили?

— Много чего готовили. «Эрмитаж» не одним салатом жил.

— А кто придумал сам салат?

— Сразу к сердцу дела! — Крыжин развёл руками. — Так и врач, не осмотрев больного, требует назвать причину смерти.

— А вы причину знаете?

— Знаю, что в кухне участвовало много людей. Но вы, как бывший официант, должны понимать: если каждый станет руководить приготовлением, обед останется на бумаге.

— Значит, один руководит, остальные делают?

— Каждый отвечает за своё. В этом залог порядка, любезный. Выведи на кухню десять генералов — и не найдётся кому посолить бульон.

Аглая уронила ложку.

Ложка ударилась о пол. Крыжин поднял её и положил на отдельный поднос для грязного инвентаря.

— Бывает, — сказал он мягко. — И у лучших руки устают. Только ложку, Аглая Антоновна, в мойку. Упавшее серебро можно очистить, а испорченное доброе имя — труднее.

— Серебро у нас, Егор Матвеевич, до мойки доходит чаще, чем добрые имена, — ответила она.

Он посмотрел на неё. Улыбка сохранилась, но в глазах на мгновение проступило недовольство.

— Сегодня вы прямо беспощадны.

— Не выспалась.

— Значит, для завтрашнего образца дам вам лишний час.

— Лучше дадите хорошую птицу.

— Будет вам и птица.

Он снова повернулся к Ланину.

— Вы видите, друг мой, отчего я так ценю Аглаю Антоновну? Она спорит, зато дело делает безукоризненно.

Ланин заметил: похвала прозвучала искренне. И одновременно так, словно повар присваивал себе право решать, когда этой похвалы достаточно.

✦

В дверях появился Тимофей Воронов с корзиной зелени и пачкой листов, перевязанных бечёвкой.

— Егор Матвеевич, Григорий Кузьмич велел… вот… на подпись.

Крыжин забрал бумаги, просмотрел первый лист, второй отодвинул.

— Первый подпишу. Второй верни.

— Он сказал, что всё заполнено.

— Вот беда, братец, слишком хорошо заполнено. Тут поставили час выдачи, а товар ещё у Борисова.

— Я… я не знаю, Егор Матвеевич.

— Вам и не требуется знать. Передайте: время ставят после выдачи, а не заранее. Иначе завтра выяснится, что мы подали жаркое прежде, чем купили мясо.

Тимофей нерешительно улыбнулся.

— Ступайте. Только корзину поставьте на стол, она у вас сейчас зеленью весь пол засадит.

Мальчик подчинился, благодарно глянул на Крыжина и исчез.

— Неужели время выдачи столь важно? — спросил Ланин.

— Ещё бы! — откликнулся Крыжин. — На хорошей кухне всё обязано поспеть вовремя: и рыба, и лёд, и официант. Поздняя выдача способна погубить обед не хуже дурного повара.

— Особенно если виноватой признают холодную кухню, — заметила Аглая.

— Ах, вы о вчерашнем! — Крыжин примирительно поднял руки. — Да, промах был хозяйственный. Будем исправлять.

— Будем, — согласилась Аглая. — Только прежде записывать, кто опоздал.

— Видите, Илья Сергеевич? У нас целая академия точности. И её профессор не позволяет мне забывать ни одной ошибки.

Ланин улыбнулся, но приметил бланк, который Тимофей унёс назад. На кухне готовились спорить не только о вкусе, но и о часах.

✦

Около половины двенадцатого.

Крыжина вызвали к Левитину. Перед уходом он задержался у стола Аглаи.

— Про завтрашний образец не забудьте.

— Не забуду.

— И свои записи покажите. Те самые, что мы обсуждали.

— У вас ведь есть ваши, Егор Матвеевич.

— Есть, голубушка. Да ваши аккуратнее. А нам надо всё сравнить, прежде чем показывать хозяину.

— Я сравню. При вас.

Он помедлил.

— Разумеется. Неужели вы думаете, что я стану распоряжаться вашими бумагами без вас?

— Я ничего не думаю, Егор Матвеевич. Работы много.

Крыжин уже хотел ответить, но заметил Ланина.

— Вот до чего доводят журналисты. За час научили человека мне не доверять!

— Она и до моего прихода была осторожна, — отозвался Ланин.

— Да-с. Моя лучшая ученица. Ничего не забывает и никому не уступает. Лишь бы не затеяла собственного ресторана, оставив меня на погибель!

— Собственный ресторан, Егор Матвеевич, пока существует только у меня в голове.

— И слава богу: там места достаточно, а у меня на кухне тесно.

Все засмеялись, кроме Аглаи. Она улыбнулась лишь тогда, когда Крыжин повернулся к дверям.

— Он вам многим помог? — спросил Ланин, когда повар ушёл.

— Да.

— Учитель?

— Да.

— И вы ему благодарны?

Аглая положила нож.

— Я благодарна Егору Матвеевичу за то, чему он меня научил. Человек не становится владельцем всех твоих мыслей только потому, что однажды научил тебя держать нож.

— Это вы о нём?

— Это я о ножах. Посмотрите, вон тот Павел опять взял не тот.

Она позвала поварёнка и дала ему другое лезвие, больше ничего не объясняя журналисту.

✦

У Аглаиного стола стояла небольшая деревянная шкатулка, потёртая на углах, с простым замком. Она вынула ключ из кармана, открыла её и достала тетрадь.

Внутри мелькнули даты, веса продуктов, зачёркнутые количества и короткие замечания, написанные аккуратным почерком. Ланин заметил несколько разных чернил.

— Ваши рецепты?

— Мои записи.

— Разница?

— Рецепт можно приготовить. Запись сначала нужно понять.

— Можно заглянуть?

— Нет.

— Даже на одну страницу?

— Именно на одну — нельзя. По одной странице чаще всего и судят о том, чего не знают.

Она закрыла тетрадь.

— Вы боитесь, что украдут?

— Кражу ещё можно доказать. Хуже, когда своё отдаёшь сам, а потом выясняется, что вернуть нельзя.

Она произнесла это так буднично, что Ланин не сразу уловил тревогу. Но лицо Аглаи уже изменилось: она смотрела не на него, а на место за его плечом, будто там стоял кто-то из прошлого.

— Кто же взял? — негромко спросил он.

— Я разве сказала, что взяли?

Аглая заперла шкатулку.

— Вы умеете задавать вопросы, Илья Сергеевич. Попробуйте ещё научиться вовремя останавливаться.

Из горячего отделения её позвали. Аглая ушла, а журналист остался перед шкатулкой.

Он не прикоснулся к ней.

Ланин давно знал: чужие замки открывают много ящиков и слишком мало людей.

✦

Когда Аглая вернулась, он уже собирался уходить.

— Благодарю за урок.

— Что усвоили?

— Соус не терпит спешки. Два рака могут испортить человеку утро. И считать стоимость блюда — ещё не значит знать, кто его придумал.

— Последнее верно. Стоимость и вкус — разные графы.

— А авторство? В какой графе оно?

Аглая вытерла ладони.

— Хорошее блюдо могут приготовить десять человек, а назвать именем одиннадцатого.

— Это несправедливо?

— Не всегда. Одиннадцатый иной раз действительно умеет то, чего не знают другие.

— Что же?

— Убедить гостей, что он всё придумал.

Ланин засмеялся и записал фразу.

— Только не выдавайте её за признание, — сказала Аглая.

— За наблюдение.

— Сойдёт. С одним условием: меня не цитировать.

— Договорились.

Они вышли к служебному коридору. У самой двери Аглая неожиданно остановилась.

— Вы получили записки Борисова?

— Две.

— И он обещает показать бумаги?

— Обещает.

— Тогда осторожнее. Григорий Кузьмич любит правду, если она вовремя подана нужному человеку.

— А вы его боитесь?

— Нет.

— Тогда чего?

Она поправила край передника, словно ей понадобилось занять руки.

— Однажды, Илья Сергеевич, можно оказаться перед выбором: человек, которому многим обязан, или дело, которое любишь. Я бы предпочла этого выбора не делать.

— Вы говорите о Крыжине?

— Я говорю, что обед сам себя не приготовит.

Она оставила его у двери.

✦

Около полудня.

В почти пустом зале астрономические часы Левитина щёлкнули и начали бить. Латунные колёса за стеклом тянули свои медленные круги.

Ланин достал карманные часы.

Расхождение — те же две минуты. Но чьи часы шли вернее, ещё предстояло выяснить.

Он записал: «Часы в зале. Сверить с надёжным источником».

На следующей странице появились новые строки: «Аглая Поливанова. Собственная тетрадь. Борисов. Расчёт 1886 года. Крыжин — учитель».

Он хотел добавить: «Между ними что-то есть», но остановился. Такая запись завтра показалась бы ему самому дешевле газетного слуха.

Вместо неё он вывел: «Старое дело. Кто кому обязан?»

У гардероба Прохор Ладыгин помог ему надеть пальто.

— Ну как кухня, Илья Сергеевич?

— Пожалуй, поучительнее редакции.

— Не сомневался. Аглая Антоновна вам понравилась?

— Как специалист — чрезвычайно.

— Понимаю-с.

— Что именно?

— Отчего вы так старательно уточнили: «как специалист».

Ланин рассмеялся.

— Официантские наблюдения не пропадают даром.

— А вы как думали? Кухню-то вы покинули, но ресторан от вас не отстал.

Илья Сергеевич уже взялся за дверь, когда Прохор тихо добавил:

— Григорий Кузьмич просил ещё кое-что передать. На словах.

— Ещё одну загадку?

— Его собственные слова: «Спросите Аглаю Антоновну, что она получила от Егора Матвеевича в восемьдесят шестом году. Она поймёт».

Ланин отпустил ручку.

— Получила деньги?

— Он суммы не назвал.

— Значит, вы знаете больше?

Прохор расправил воротник его пальто.

— Моя обязанность — передать поручение точно. Что и сделано.

— А Крыжин давно знаком с Борисовым?

— Не первый год.

— Они родственники?

Впервые за разговор старший официант не нашёл немедленного ответа.

— Сведения о родстве, Илья Сергеевич, лучше получать от самих родственников.

— У вас сегодня одни правила хорошего тона.

— Работа обязывает-с.

✦

На улице пахло весенней пылью и мокрой древесиной. Со стороны ипподрома доносились копыта и извозчичья перебранка. Ланин задержался на ступенях.

Утром он явился на кухню искать автора знаменитого салата. Вместо автора нашёл мастерицу с запертой тетрадью, повара, который её искренне хвалил, и кладовщика, умевшего превратить старую подпись в угрозу.

Сколько лет прошло после смерти Оливье? Одиннадцать. А счёты по-прежнему сводили живые.

Он раскрыл записную книжку. На последней странице значилось:

«Аглая Поливанова. 1886 год. Расчёт с Крыжиным».

Он записал: «Что Аглая получила от Крыжина в 1886 году?»

Чуть ниже перо уже выводило «деньги», но Ланин остановился и зачеркнул слово.

Борисов, который любил точность счёта, о деньгах не говорил. Он сказал только: «получила».

МОСКОВСКІЯ ВЕДОМОСТИ
21 мая 1894 года
Загадка знаменитого салата:
новый скандал
в ресторанной Москве

Глава четвёртая

Одиннадцать лет спустя

Москва. 24 мая 1894 года. Редакция «Вечернего вестника». Утро.

В журнале «Наша пища» рецепт салата оливье занимал меньше страницы. В редакции «Вечернего вестника» он уже занял весь стол главного редактора и всё его терпение.

— Одиннадцать лет! — редактор швырнул на стол журнал. — Одиннадцать лет едят салат и только теперь спохватились узнать, кто его придумал!

— Спохватывались и раньше, — сказал Ланин. — Просто отвечали главным образом те, кто салат продавал.

— А продавец, по-вашему, ничего не знает?

— Цену знает безошибочно. С авторством у него могут быть затруднения.

Редактор «Вечернего вестника» был невелик ростом, стремителен в движениях и питал к хорошему заголовку чувство, которое другие люди испытывают к жене, детям или карточной игре. Заголовки, в отличие от жён, редко требовали объяснений и почти всегда помещались на первой полосе.

Он постучал пальцем по обложке.

— «Наша пища». Номер от тридцать первого марта. Читайте и просвещайтесь. Теперь каждый московский холостяк может приготовить оливье, если достанет рябчика и сумеет отличить каперсы от оливок.

Ланин раскрыл журнал. В напечатанном рецепте значились рябчик, картофель, свежий огурец, раковые шейки, каперсы, оливки, соус провансаль и другие необходимые подробности. Всё было расписано достаточно обстоятельно, чтобы повар принялся за работу, и недостаточно — чтобы историк успокоился.

— Видите? — редактор склонился к нему. — Салат имеется, рецепт имеется, а господина Оливье уже одиннадцать лет как нет. Статья просится сама.

— Оливье умер в восемьдесят третьем, — согласился Ланин. — Только напечатанный сейчас рецепт ещё не доказывает, что именно так готовили при нём.

— Почему не доказывает? Напечатано же!

— Одиннадцать лет в ресторан приходили новые повара, уходили старые, менялись поставщики, дорожали продукты. Как знать, сколько раз меняли и сам салат?

— Вы хотите сказать, что нас обманывали одиннадцать лет?

— Я хочу сказать, что рецепт способен жить дольше человека. И за это время приобрести совершенно чужой характер.

Редактор на мгновение задумался, затем просиял.

— «Одиннадцать лет Москва ест неизвестно что»! Вот это заголовок.

— Неизвестно кем придуманное, — уточнил Ланин.

— Не мешайте. Заголовок уже родился.

— И ещё не успел стать правдой.

— Именно поэтому вы у меня самый медленный сотрудник.

Из коридора донёсся грохот. В дверь заглянул наборщик.

— Иван Петрович, заметку о городской думе сокращать?

— А там что?

— Обсуждали тротуары.

— Значит, сокращайте. Когда городской голова на тротуаре поскользнётся, напечатаем подробности.

Наборщик исчез. Редактор вновь принялся за Ланина.

— Слушайте, вы ведь были у этого вашего Левитина?

— Был.

— Денег много?

— Достаточно, чтобы мечтать о великом русском ресторане.

— А на объявления потратить согласен?

— Он желает прежде всего доказать, что знаменитый салат изобрёл русский повар. Французское имя, по его мнению, досталось блюду благодаря ресторанной моде.

— Прекрасная патриотическая мысль! И сколько стоит доказательство?

— Мы пока не знаем, существует ли оно.

— Значит, сперва выясните. Потом предложите ему объявление.

— Я собирался в «Эрмитаж». Поговорить с теми, кто служил там при Оливье.

— Верно. Покойник — свидетель неудобный. Ищите живых.

Редактор поднялся, но удержал Ланина за рукав.

— Илья Сергеевич, без скорых обвинений. На этот раз — ни слова, пока не проверите.

Ланин узнал интонацию и сразу насторожился.

— Я и не собираюсь никого обвинять.

— В прошлый раз тоже не собирались. Пока не вышла газета.

Он указал глазами на старую папку у края стола. На ней ещё виднелась карандашная надпись, сделанная три года назад: имя кладовщика, которого Ланин поспешно объявил вором. Позднее подозрение рассыпалось, но опровержение запоздало; человек успел лишиться места.

— Я помню, — сказал Ланин.

— Хорошо. Не каждый журналист на это способен.

— Вы тогда тоже не спешили с опровержением.

Редактор нахмурился.

— Верно. Но сейчас спрашиваю с вас. С меня, если понадобится, спросит другой.

Ланин мог бы ответить. Притом остроумно. Ни один из ответов, однако, не вернул бы тому кладовщику работу.

Он сложил журнал и направился к двери.

— И ещё! — крикнул редактор.

— Что теперь?

— Не забудьте выяснить, кто на салате заработал. Авторство трогает сердца, деньги — читательские кошельки.

— У вас всё сводится к деньгам.

— Неправда. Ещё к сроку сдачи полосы. И он наступит раньше истины.

✦

«Эрмитаж». Трубная площадь. Около двух часов пополудни.

Здесь обедали так, словно на свете никогда не происходило ничего чрезвычайного. Между столами беззвучно проходили официанты, в глубине зала переговаривались купцы, с кухни тянуло жареной птицей, свежим хлебом и крепким бульоном.

Люсьен Оливье умер одиннадцать лет назад. А ресторан продолжал кормить гостей.

Ланину это показалось самым беспощадным свойством ресторанного дела. В театре можно отменить представление в память о покойном актёре. На кухне нельзя отменить обед: живые непременно захотят есть.

Управляющий выслушал просьбу об архивных записях с выражением человека, которому предложили собственноручно перелопатить погреб.

— Старые кухонные книги? Для печати? Сударь, у нас заведение, а не музей.

— Музей кормит значительно хуже, — согласился Ланин. — Но у вас, надеюсь, остались люди, помнящие прежнюю кухню.

— Кухня занята.

— Я не прошу повара бросить жаркое ради журналиста. Мне бы кого-нибудь из прежних служащих.

Управляющий подумал, позвал официанта и велел поискать Степана Семёновича Меркулова, бывшего старшего официанта, который иногда заглядывал в соседнюю чайную на партию в карты.

Меркулов пришёл минут через двадцать. Сухощавый, седобородый, в стареньком, но старательно вычищенном сюртуке, он держался прямо: всю жизнь привык встречать гостя так, чтобы тот чувствовал себя важным и не мешал проходу других.

— Степан Семёнович Меркулов. Про Оливье, сказали, спрашиваете?

— Про него и про салат.

— Стало быть, про покойников и про живых. Садитесь. От карт меня оторвали — теперь слушайте, пока чая не допью.

Подошёл официант.

— С лимоном, Степан Семёнович?

— С лимоном, Петруша. Только тонко режь. За толстый кружок нынче взяли бы столько, сколько прежде за добрую шутку давали.

Когда чай принесли, Меркулов разложил салфетку на коленях и вопросительно посмотрел на гостя.

— Вы лично видели господина Оливье? — начал Ланин.

— Видел. Но за плечом его с утра до ночи не стоял, если вы об этом.

— Он сам готовил свой знаменитый салат?

— При мне на кухне работало много людей. Разрешите ответить осторожно: что-то готовил, за чем-то смотрел, чем-то распоряжался. К каждой тарелке меня с протоколом не приставляли.

— Значит, вы не знаете, кто изобрёл блюдо?

— Я знаю, кто его подавал. Кому подавал. И какой столик следовало обходить после третьей рюмки. А об авторе никто тогда официантов не расспрашивал.

— Но салат носил имя Оливье.

— И что с того? — Старик отхлебнул чаю. — У нас за столом иной раз хвалили хозяина, а готовила вся кухня. Если гостю не нравилось, ругали одного официанта. Было бы странно, если бы за славой стоял ровно один человек.

Ланин улыбнулся.

— Я сам служил официантом.

— Тогда нечего меня мучить азбучными вопросами. Лучше скажите: зачем вам нужен непременно один создатель?

— Левитин, хозяин другого московского ресторана, хочет доказать, что салат придумал русский повар, а прославился он под французской фамилией.

— Может статься. А может, и нет. — Меркулов поставил чашку. — Если господин Левитин уже знает ответ, зачем ему свидетель? Чтобы тот подписался?

— Он ищет доказательства.

— Ещё хуже. Человека можно спросить, если жив. А доказательство, коли деньги имеются, иной и продать пожелает.

Ланин сделал пометку.

— Кого из прежних поваров вы помните?

— Многих. По именам меньше, чем по повадкам. Один жарил рябчика — словно скрипач на нём играл. Другой соус пробовал пять раз и всё равно норовил долить уксуса. Егорку Крыжина помню, конечно.

— Егора Матвеевича?

— Тогда он для нас просто Егоркой был. Молодой, способный, работящий, руки щедрые. Младшему работнику мог свою порцию отдать, за обиженного вступиться. Любили его.

— И сейчас любят.

— Доброе дело за человеком долго ходит. Иногда дольше самого дела.

— А Григория Кузьмича Борисова знали?

Старик перестал шевелить ложкой.

— Гришку-то? Знал. Теперь его, небось, Григорием Кузьмичом величают.

— Он ведёт хозяйство у Левитина.

— Счета вести умел всегда. Пропади у него копейка — каждого на свет выведет. Найдись лишний рубль — не успокоится, пока не решит, чей он.

— Честный был?

— Внимательный.

— Я спросил о честности.

— А я ответил о том, что видел. Не желаете, чтобы свидетель врал, так не подсказывайте ему слов.

Ланин признал поражение поднятой ладонью.

— Говорят, Борисов много помнит о старой кухне.

— Не только помнит. Записывает. Другой память на молитвы тратит, он — на чужие обязательства.

— Они с Крыжиным близко знакомы?

— Давно. А насколько близко — у них и спрашивайте.

— Когда-то Борисов помог Крыжину?

— Помогал, должно быть, раз тот иной раз благодарил.

— А потом?

Меркулов потянулся к блюдцу.

— Потом случается, что помощь стареет, а благодарность требуют свежую. И всё равно не хватает.

Ланин не стал настаивать. Слишком уж точно старик научился отделять виденное от домысла.

— Что изменилось после смерти Оливье? — спросил он.

Меркулов долго глядел в окно. На улице тянулись экипажи, знакомый гул Трубной площади проникал сквозь стекло.

— Я тот день помню не по числу, — сказал наконец. — Числа — это к календарям. Официанты дни запоминают по гостям, по заказам да по тому, сколько оставили на чай.

Когда в 1883 году в ресторан пришла весть о смерти Оливье, кто-то из служащих перекрестился, кто-то снял головной убор. Один молоденький официант спросил, не станут ли менять меню, и получил от старшего взгляд, после которого до конца недели подавал суп, не звякнув ложкой.

— А салат? — спросил Ланин.

— Подавали дальше. Что вы думали? Гость приходит за привычным блюдом, а ему скажут: хозяин умер, салату велено умереть вместе с ним? Так не бывает. Люди работали, продукты приходили, обеды подавали.

— И вкус оставался прежним?

— В первые дни каждый уверял своё. Один клялся, будто соус стал кислее. Второй говорил, что наконец-то приготовили как следует. Третий замечал разницу исключительно после того, как вспоминал о похоронах. Потом один господин заявил, что прежде запах был лучше, а оказалось — он как раз бросил курить.

— Рецепт сохранился?

— Сохранились люди, которые умели готовить. Не одно и то же, милостивый государь. Бумага рябчика не изжарит. А хорошие руки помнят, сколько держать птицу на огне, даже когда листок затерялся.

— Но люди менялись.

— То-то и оно. Кто ушёл, кто пришёл, кто стал старшим, кто женился, кто с кем поссорился. Глядишь, через пять лет блюдо узнают по названию, а на кухне его делают уже немного иначе. Через десять — ещё иначе.

— И никто не записал первоначальный состав?

— Может, записали. Я к чужим тетрадям не приставлен был. Записывали прежде всего то, как следует готовить нынче. О вчерашнем вспоминают после, когда оно подорожает.

Меркулов засмеялся и вспомнил, как два повара едва не подрались из-за соуса: один требовал гуще, другой — кислее. Старший выгнал обоих остывать на лестницу, соус подал третий. Гости остались довольны.

— Кто же из них был прав? — спросил Ланин.

— Все трое. Только двое — не вовремя.

Старик поднялся, поправил воротник.

— Вам пора к своим записям, а мне — к картам.

— Последний вопрос. Если бы вы искали настоящий рецепт Оливье, с чего начали бы?

Меркулов взял шляпу.

— С живых поваров. С тех, кто менял блюдо после его смерти. Мёртвому приписать нетрудно: не возразит. А живой, глядишь, ещё укажет, чья работа и когда переменилась.

— То есть авторства он не назовёт?

— Назвать можно всякое. Вы сначала узнайте, что действительно происходило. А красивые имена оставьте вывесочникам.

Он ушёл, оставив Ланина перед пустой чашкой и неприятно здравой мыслью: можно опросить пол-Москвы и всё равно не узнать имени первого повара. Зато выяснить, кому понадобилось скрыть имя другого.

✦

Ресторан Левитина. Ближе к пяти часам.

В ресторане спорили об архитектуре. Причём так ожесточённо, словно речь шла не о будущем обеденном зале, а о разделе наследства.

На столе лежали чертежи: лестница с массивными перилами, огромные окна, резные панели, колонны, увенчанные чем-то похожим на кокошники. Один фасад напоминал богатые палаты, другой — провинциальный вокзал, сильно разбогатевший за лето.

— Нет, нет! — возмущался Левитин. — Это не русское!

— Максим Фёдорович, — терпеливо отвечал архитектор, — здесь же русские кокошники.

— Я вижу кокошники! Но почему они сидят на колоннах, словно грибы на французском пироге?

— Такова композиция.

— Мне нужен ресторан, сударь, а не композиция, которую посетители будут разгадывать вместо меню!

Ланин негромко кашлянул.

— А! Наш историк! — Левитин обернулся с явным облегчением. — Посмотрите. Вам нравится?

— Каждая часть по отдельности весьма привлекательна.

— А вместе?

— Вместе они, кажется, ещё не познакомились.

— Слышали? — торжествующе сказал Левитин архитектору. — Даже посторонний человек!

— Посторонний человек архитектуре не обучался, — отрезал тот.

— Зато обедать умеет. Для моего дела этого достаточно.

Архитектор сложил листы, сухо поклонился и пообещал принести новые варианты. По его лицу можно было заключить, что до следующей недели он собирался возненавидеть всё русское зодчество.

Левитин проводил его взглядом.

— Вы думаете, мне легко? Хочу, чтобы человек вошёл и увидел: русские мастера умеют работать не хуже французских. А мне рисуют ярмарочный балаган. Мы ведь не на маскараде!

Дайте резьбу хорошего столяра, посуду доброго гончара, полотна наших ткачих. Без дешёвого притворства. И чтоб кормить умели так же хорошо, как обставили.

— В таком случае, — сказал Ланин, — вам придётся искать ремесленников так же тщательно, как автора салата.

— Отечественных мастеров я найти сумею.

— А отечественного автора оливье?

Левитин нахмурился.

— Были в «Эрмитаже»?

— Был. Нашёл человека, который видел кухню при Оливье. Он помнит прекрасные обеды и массу поваров. Но не утверждает, что знает, кто первым придумал салат.

— Егор Матвеевич знает больше. У него бумаги.

— Я хотел бы понять, к какому времени они относятся и что именно подтверждают.

— Вот об этом и поговорим. Софья Борисовна!

За столиком у окна поднялась молодая женщина в сером платье. Перед ней лежали французские листы, русский черновик и словарь. Она подошла не спеша, с выражением человека, которого уже несколько раз отвлекали от трудной работы и каждый раз обещали, что это последнее отвлечение.

— Максим Фёдорович?

— Познакомьтесь. Илья Сергеевич Ланин. Газета «Вечерний вестник». А это Софья Борисовна Борисова. Наш французский язык.

— Надеюсь, не весь, — сказала Софья.

Ланин поклонился.

— Боюсь, я знаю его только в пределах ресторанного счёта.

— Значит, вы уже знакомы с самым дорогим его употреблением.

— Софья переводит нам старые кухонные бумаги, — пояснил Левитин. — Послушайте, что она сегодня обнаружила.

— Ничего я не обнаружила, — поправила девушка. — Я уточнила значение двух слов.

— Слышите? Скромность!

— Точность, Максим Фёдорович. Это не одно и то же.

Ланин с интересом посмотрел на неё.

— Какие же слова?

Она положила перед ним лист.

— «Recette perfectionnée». Господин Левитин хотел написать в объявлении «совершенный рецепт».

— А это неправильно? — спросил он.

— Это значит «усовершенствованный рецепт». Или «рецепт, подвергнутый улучшению». Кто его улучшал, в этом выражении не сказано. Был ли прежний рецепт хуже — тоже.

— Ну вот! — воскликнул Левитин. — Чем плох «совершенный»? Я хочу кормить совершенно!

— Кормите совершенно, — сказала Софья. — Только не требуйте, чтобы французская грамматика рекламировала ваши намерения.

Ланин рассмеялся.

— Значит, документ свидетельствует об изменении блюда, а не о его первоначальном изобретении?

— Само это словосочетание — лишь об изменении. Остальное зависит от контекста.

— Вы знаете, кто написал запись?

— Нет.

— Когда?

— На этом листе даты нет.

— А он относится ко времени до смерти Оливье?

— Не все записи в папке относятся к тому времени.

Левитин нетерпеливо постучал по столу.

— Так ведь это и есть важное! Наши повара продолжали совершенствовать блюдо!

— Возможно, — согласилась Софья. — Только из этого ещё не следует, кто создал его первым.

— И вы тоже за них, — вздохнул хозяин, обращаясь к Ланину. — Слова подбирают так, будто они золотом оплачены.

— Мне за слова платят, — заметила Софья. — Поэтому я обязана выбирать именно те, которые стоят в подлиннике.

Она произнесла это ровно, почти без насмешки. У Ланина возникло ощущение, что девушка умеет закрывать любую неприятную тему так же аккуратно, как чернильницу.

Левитин вдруг переменился в лице.

— Вы вечером доедете благополучно? Я распорядился насчёт экипажа.

— Благодарю. Я поеду сама.

— На улице слякоть.

— Я заметила.

— К вечеру стемнеет.

— Это случается каждый день.

— Вы невозможная, Софья Борисовна.

— Возможно. Но до конца перевода мне осталось две страницы, и хотелось бы закончить их до темноты.

Левитин уступил, хотя выражение его лица показывало, что он скорее согласился бы оплатить три экипажа, чем принять один отказ.

Софья удалилась к своему столику.

— Прекрасная девушка, — сказал Левитин и тут же придал голосу деловую сухость. — Умна, образованна. Покойный дед был достойным человеком. Отец тоже по-своему полезен.

— Григорий Кузьмич?

— Он самый. Умеет считать. Жаль, иногда принимает чужие деньги слишком близко к сердцу.

— Я уже заметил, — сказал Ланин.

✦

Левитина отвлёк поставщик. Журналист остался среди чертежей и незаконченных переводов.

На рисунке главного зала красовался высокий шкаф. Хозяйской рукой было приписано: «Для работ русских мастеров». Чуть ниже: «Часы Волоскова — на видное место».

Ланин вспомнил вчерашние разговоры о ржевском часовщике. Левитин собирался поставить предполагаемый шедевр старого русского мастера в центре нового ресторана. При этом не имел пока надёжных свидетельств, что часы действительно изготовлены тем, кому их приписывали.

Не слишком ли похожим образом складывалась история с салатом?

Софья подняла голову прежде, чем Ланин приблизился.

— Вы хотели ещё что-нибудь спросить?

— Да. И на этот раз я постараюсь не приписывать вам лишних слов.

— Это хорошее начало.

— Часть рукописей относится к годам после смерти Оливье?

— Судя по содержанию, да. Но не каждую можно датировать без дополнительных сведений.

— Значит, среди них могут быть записи об изменениях, внесённых позднее?

— Могут. Зачем вы спрашиваете одно и то же тремя способами?

— Надеюсь, что на третий раз получу ответ, которого ещё не придумал.

— Тогда вы будете разочарованы. Перевод не обязан оправдывать надежды заказчика.

Ланин посмотрел на её черновики.

— А вы сами что думаете об авторе салата?

— Думаю, что вопрос задан слишком широко. Автор чего? Названия? Первой подачи? Соуса? Рецепта, напечатанного нынче? Вы можете получить пять разных ответов и все назвать правильными, если не уточните вопрос.

Ланин медленно кивнул.

— Вы бы прекрасно работали следователем.

— Я предпочитаю переводить сказанное, а не договаривать за свидетелей.

— Тогда простите ещё одну неточность. Ваш отец говорит о старых расходных книгах. Он знает что-нибудь о записях тысяча восемьсот восемьдесят шестого года?

Софья выпрямилась.

— Об отцовских книгах спрашивайте отца.

— Я пробовал. Он предпочитает письма встречам.

— У него на всё найдётся причина. Не обязательно хорошая.

Она произнесла это негромко, затем уже другим, официальным тоном прибавила:

— Простите, мне действительно нужно работать.

Ланин собирался откланяться, когда взгляд его зацепился за пожелтевший уголок бумаги. Под другим листом виднелась дата: «1886». Ниже — короткое слово карандашом: «Переделать».

Софья заметила, куда он смотрит, и ровным движением придвинула сверху словарь.

— Это оригинал или перевод? — спросил журналист.

— Пока не установлено.

— А кто его переделывал?

— Вот вам ещё один вопрос без ответа, Илья Сергеевич.

Она снова взялась за перо. Разговор был окончен так определённо, что даже редактор «Вечернего вестника» не сумел бы продолжить его без нарушения приличий.

✦

У гардероба Прохор Ладыгин уже держал наготове пальто.

— Долго вы сегодня по истории ходили, Илья Сергеевич.

— История, Прохор Ерофеевич, оказалась расторопнее меня. За одиннадцать лет все успели что-нибудь изменить.

— У нас и за неделю меняют, сударь. Зависит от поставщика и повара.

Ланин просунул руку в рукав.

— Вы помните кухню «Эрмитажа» при Оливье?

— Самого Оливье видел. Но о приготовлении судить не возьмусь: моя служба была по залу.

— А о людях?

— О людях, если позволите, ещё труднее.

— Скажите прямо: что получила Аглая Поливанова от Крыжина в восемьдесят шестом году?

Прохор расправил плечо пальто.

— Получения и выдачи, сударь, записывают в кассовой книге.

— Я ведь не кассир.

— Именно поэтому и не посылаю вас в контору.

— Деньги?

— Не моё дело.

— За рецепт?

Прохор остановился. Всего на мгновение.

— Этого я не скажу.

— Не знаете или не скажете?

— Не скажу, Илья Сергеевич.

Прямой отказ удивил Ланина сильнее прежних уклончивых ответов.

— Борисов считает это своим делом.

— Григорий Кузьмич иных чужих дел помнит больше, чем собственные именины.

— А вы?

— Моя забота, чтобы вы вышли на улицу одетым по погоде. Извольте шляпу.

— Значит, всё?

— Не совсем. Вы ещё на чай не оставили.

Ланин рассмеялся и положил на стойку монету. Прохор принял её с деловитым поклоном.

— Благодарю-с. А теперь один совет, ежели позволите.

— Охотно.

— Не верьте тому, кто станет уверять, будто за одиннадцать лет на старой кухне ничего не переменилось. Даже верный слуга стареет. Рецепт тем более.

— А если очень выгодно рассказывать обратное?

— Тогда, вероятно, рассказывать станут долго.

✦

Редакция «Вечернего вестника». Поздний вечер.

На редакционном столе лежали четыре листа. Первый — выписка из «Нашей пищи». Второй — рассказ Меркулова. Третий — имена людей, которым Ланин успел досадить расспросами. Четвёртый оставался чистым.

За стеной ругались из-за пропавшей телеграммы. Наборщик требовал рукопись. Корректор спорил с репортёром, написавшим «осуждённый» вместо «осуждаемый»; разница обещала судебные неприятности.

Ланин обмакнул перо.

«Кто придумал салат оливье?»

Заголовок был верный, но слабый. Он перечеркнул его.

«Русский повар под французским именем».

Вот это редактор напечатал бы с удовольствием. Левитин купил бы сто экземпляров, Крыжин одобрительно улыбнулся, а Григорий Кузьмич Борисов наверняка явился бы объяснять, сколько на том можно заработать.

Беда состояла в том, что у Ланина не было доказательства ни одного из слов после «повар».

Было известно: салат подавали в Москве, связывали с именем Оливье, продолжали готовить после его смерти. В 1894 году напечатали рецепт. Бумаги Крыжина, похоже, касались и более поздних переделок. Кто первым составил блюдо — не установлено.

Он вспомнил того кладовщика, которого три года назад погубила его поспешная статья. В тот раз тоже нашлись подозрительные счета, неприятный характер, два уверенных свидетеля. Всё складывалось настолько красиво, что проверять показалось почти невежливым.

Позднее правда оказалась не столь занимательной, зато бедняк потерял работу вполне по-настоящему.

Ланин отложил перо. Он мог снова написать убедительную неправду. И, вероятно, написал бы её блестяще.

Вместо статьи он составил записку редактору:

«Материал требует проверки. Сведения о первоначальном авторстве салата противоречивы. Необходимо установить происхождение рукописей и отделить рецепт, существовавший при Оливье, от последующих изменений. До выяснения обстоятельств обвинений не публиковать».

Подумав, он добавил: «Особенно без названных свидетелей и подлинных хозяйственных записей».

Потом на другом листе поставил одну под другой три даты.

«1883. Смерть Оливье. Салат остаётся в меню».

«1886. Неизвестный расчёт Крыжина с Поливановой. Возможные поздние изменения».

«1894. Напечатанный рецепт. Левитин собирается доказать русское авторство».

Все три строки были о салате. Но лишь одна — о человеке, который ещё мог рассказать собственную историю.

В дверях возник редактор.

— Ну? Полоса ждёт.

— Статья не готова.

— Чудесно. Скоро я смогу печатать на вашем месте объявления о потере собак.

— У меня появилась другая версия.

— Излагайте кратко. Я к красноречию сегодня не расположен.

— Есть первоначальный салат, есть поздние переделки и есть люди, которые распоряжаются чужими записями. Вероятно, кто-то получил плату за изменение блюда. Но выяснить надо прежде всего, кому принадлежала работа и что было сказано в расчёте.

— Деньги? — Редактор оживился.

— Возможно.

— Шантаж?

— Проверяю.

— Подделка?

— Не исключаю.

— Убийство?

— Иван Петрович, почему у вас всякий газетный материал непременно желает перейти в уголовное дело?

— Потому что кухонные споры я не могу поставить на первую полосу. Убийство — могу.

— Тогда вам придётся довольствоваться сведениями о салате.

— Судьба журналистики жестока. — Редактор повернулся к двери. — К четвергу принесите мне хоть одного живого свидетеля, который не стесняется собственного имени.

Когда он ушёл, Ланин перечитал записи. Затем дописал под именем Аглаи Поливановой:

«Умеет готовить. Умеет молчать. В 1886 году получила нечто от Крыжина. Борисов помнит расчёт. Сама Аглая вспоминать не желает».

Ему не понравилось слово «нечто». Он снова взял перо и всё-таки оставил его. Лучше досадная неопределённость, чем удобная выдумка.

За окном прогрохотал поздний экипаж. Из типографии потянуло сырой бумагой и краской.

Он взял отдельный лист и написал крупно: «Борисов. Найти запись о расчёте 1886 года. Проверить подлинность. Только потом спрашивать Аглаю».

Последние три слова он подчеркнул. В прошлый раз ему хватило подозрительной бумаги, чтобы погубить невиновного человека. Теперь без ответа того, чьё имя стояло в документе, статья не выйдет.

Глава пятая

Последний обед

Москва. 26 мая 1894 года. Ресторан Левитина неподалёку от Московского ипподрома.

— А сколько у нас сегодня авторов салата? — спросил Прохор Ладыгин, пробегая глазами меню.

— Двадцать восемь! — воскликнул Максим Фёдорович Левитин.

— Авторов?

— Гостей, Прохор Ерофеевич! Двадцать восемь вместо тридцати! И это за два часа до ужина!

Старший официант сложил список приглашённых.

— Двое господ известили, что приехать не смогут.

— Почему?

— У одного нездоровье, у другого неотложные дела.

— У первого нездоровье или у его лошади?

— Не уточнял-с.

— А у второго дела или долги?

— О подобных обстоятельствах гости ресторану обыкновенно не сообщают.

Левитин остановился посреди зала.

— Вот вы всю жизнь служите в ресторанах. Скажите мне: отчего человек, которому предлагают лучший ужин в Москве, непременно находит причину его пропустить?

— Вероятно, потому, Максим Фёдорович, что ещё не пробовал.

— А если попробует?

— Тогда в следующий раз найдёт причину прийти.

Этот ответ хозяину понравился. Он разгладил усы и оглядел зал.

На белых скатертях поблёскивали приборы. Официанты расставляли бокалы, проверяли салфетки, передвигали стулья, раскладывали карточки с именами. В глубине зала возвышались огромные астрономические часы, которые Левитин называл работой ржевского купца Терентия Волоскова. Над главным циферблатом виднелись знаки календаря, изображения Солнца и Луны; за стеклом медленно поворачивались латунные колёса.

Часы господствовали над залом так основательно, словно гости должны были явиться не к ужину, а к ним на аудиенцию.

Рядом стояли два подсвечника и карточка, составленная Софьей Борисовной:

«Русское механическое искусство. Астрономические часы, приписываемые мастеру Терентию Волоскову».

Хозяин хотел обойтись без слова «приписываемые», но Софья напомнила: происхождение именно этих часов ещё не установлено.

— Хорошо, — уступил тогда Левитин. — Только напечатайте это слово буквами помельче.

Теперь он подошёл к часам, полюбовался и обернулся к Прохору.

— Сегодня здесь будут люди, для которых всё русское — второй сорт. Я заставлю их переменить мнение.

— Постараемся, Максим Фёдорович.

— Мне нужна не попытка. Мне нужна победа! Где Крыжин?

— На кухне.

— А журналист?

— Господин Ланин обещал быть к шести.

Левитин удовлетворённо кивнул.

Прохор снова посмотрел на меню.

— Позволите всё-таки уточнить? У нас напечатано «Подлинный салат оливье по старинному рецепту». А ниже — «Ужин во славу русского поварского искусства».

— И что же?

— Гости могут поинтересоваться, отчего русскую кухню представляет французское имя.

— Потому что это имя мы и намерены вернуть русскому искусству!

— Понимаю-с.

— Ничего вы не понимаете. Русский мастер может создать великое блюдо, а прославится человек с французской фамилией. Я хочу покончить с этим безобразием.

— Прекрасное намерение. Только до десерта не советовал бы объявлять, что оливье к господину Оливье никакого отношения не имеет.

— Почему?

— Господа ведь приехали именно за оливье.

Левитин помолчал и рассмеялся.

— У вас удивительный дар губить благородные замыслы самым хозяйственным способом.

— Служба обязывает-с.

✦

На кухне тем временем шла война. Без пушек и кавалерии, но с потерями, которые повара считали не менее серьёзными.

Первой жертвой оказался бульон.

— Недостаточно крепок, — объявил Крыжин, попробовав ложку.

— Два часа варится, Егор Матвеевич, — возразил повар горячего отделения.

— Это характеризует ваше терпение. Я спрашиваю о бульоне.

Второй жертвой стала морковь для гарнира.

Аглая Поливанова осмотрела корнеплоды и велела отложить.

— Крупновата.

— Другая не приехала, — объяснил Павел.

— Значит, этой следовало приехать помоложе.

На столе холодной кухни стояли заливная дичь, нарезанный язык, раковые шейки, огурцы, каперсы. Рядом застывали формы с прозрачным ланспиком. Аглая проверяла закуски перед подачей. Она работала быстро, но никогда не торопилась. Павел всё ещё путал эти два состояния.

— Нож.

Павел подал.

— Чистый.

Он виновато посмотрел на лезвие и принёс другой.

— Раковых шеек.

Он передвинул миску.

— Из первой партии.

— А разве они отличаются?

— Для вас пока нет. Для гостя будут отличаться, если я разрешу вам перепутать.

В дверях появился Фёдор Цыпин. Молодой официант сохранял хорошее настроение при самых неблагоприятных обстоятельствах, возможно потому, что узнавал об обстоятельствах чуть позже остальных.

— Аглая Антоновна, господа спрашивают, будет ли настоящее оливье.

— Скажите, ненастоящее мы оставили для тех, кто явится без приглашения.

— А если спросят, кто готовил?

— Назовите кухню.

— А фамилию?

— Мою.

— А Егор Матвеевич?

— Если блюдо понравится, он сам представится. Если нет — предоставит это удовольствие мне.

Фёдор хохотнул.

— Вы сегодня жестоки.

— У меня заказной ужин, две лишние порции и три лишних советчика. Откуда взяться милосердию? Эти холодные закуски, — она указала на поднос, — пойдут гостям до парадной подачи. Не перепутайте.

— Слушаюсь.

— И Тимофея пришлите.

— За что на этот раз?

— Пока ни за что. Но день ещё не кончился.

Когда официант ушёл, Аглая велела Павлу принести из холодной кладовой запасные гарниры.

— Те, что Григорий Кузьмич держит до особого распоряжения?

— Их самые.

— Он скажет, что нельзя.

— Он всегда так говорит. А потом спрашивает, отчего мы не приготовили заранее.

✦

Около 17:40. Хозяйственная часть ресторана.

Григорий Кузьмич Борисов запирал ящик письменного стола. Перед ним лежали накладные: слева приход, справа расход, посредине небольшая стопка листов, которую он никому не позволял трогать.

Борисов был убеждён, что мир держится на долге и расписке. Долгов люди имели значительно больше, чем желали признавать. Расписок — меньше, чем следовало бы.

Павел вошёл осторожно.

— Григорий Кузьмич, Аглая Антоновна просила запасные гарниры.

— Что значит «просила»?

— Чтобы под рукой были.

— Приготовлены?

— Да.

— Выданы?

— Ещё нет.

— Следовательно, лежат на месте.

— Но Аглая Антоновна сказала…

— На кухне распоряжается Аглая Антоновна. На складе — я. Для того и существует разделение труда, чтобы каждый отвечал за своё.

Он достал бланк.

— Раковые шейки, каперсы, ланспик. Корзина третья, с синей бечёвкой. Правильно?

— Кажется.

— «Кажется» в расходную книгу не заносится. Проверь.

Павел сбегал в кладовую и вернулся.

— Третья. Синяя бечёвка. Два узла.

— Вот теперь разговор предметный.

Борисов подписал разрешение на выдачу. Строку для фактического времени передачи оставил пустой.

— Передадите кладовщику холодной кладовой. Когда заберут, внесут время. Без моей подписи больше ничего не отпускать.

— Но здесь уже ваша подпись.

— Подпись удостоверяет состав и количество. А время должно удостоверять, когда товар передали. Разницу чувствуешь?

— Чувствую.

— Повтори.

Павел повторил. Борисов остался доволен и отпустил его.

Затем вынул из внутреннего кармана сложенный лист, исписанный фамилиями, датами и суммами. Одну запись он подчеркнул дважды.

«1886».

Борисов задержал на ней палец.

— Восемь лет, — пробормотал он. — А проценты никто не отменял.

Снаружи скрипнула телега. Где-то крикнули, что нужны дрова. Борисов спрятал бумагу прежде, чем кто-нибудь вошёл.

✦

Около 18:10. Холодная кухня.

Илья Сергеевич Ланин прибыл раньше приглашённого часа: хотел увидеть не торжество, а приготовления к нему. В официантские годы он научился различать ресторан до прихода гостей и после. До прихода публики заведение говорило правду; после — то, что желало показать.

У дверей его встретил Тимофей Воронов. Мальчик нёс ведро и выглядел несчастным.

— Что случилось?

— Опять беда, Илья Сергеевич.

— Снова украли билет?

— Нет. Хуже.

— Целую лошадь?

Тимофей даже не улыбнулся.

— Поднос упал. Павел задел, а я нёс воду.

В холодном отделении Павел стоял перед Аглаей с лицом человека, которому только что сообщили о необходимости жениться по судебному решению. На полу лежали черепки и мокрые салфетки.

— Я не нарочно, — говорил он.

— Это я вижу. Нарочно вы не сумели бы попасть сразу в три блюда.

— Я поскользнулся.

— Значит, сегодня вы открыли два закона: мокрый пол скользкий, а посуда бьётся.

Она осмотрела испорченный гарнир.

— Подавать нельзя.

— Там же только вода…

— Вода, обломки фаянса и грязная тряпка. Для гостей достаточно, как полагаете?

Павел промолчал.

— Берём запасное.

— Но Григорий Кузьмич…

— Может прийти и сам объяснить гостям, отчего вместо закусок они получили расписку.

Аглая распорядилась убрать осколки, вымыть пол, сменить салфетки. Потом велела принести подготовленную корзину из холодной кладовой. На ручке была синяя бечёвка, завязанная двумя узлами.

Внутри стояли закрытые посудины с охлаждёнными раковыми шейками, каперсами и готовыми украшениями из ланспика.

— Хорошо. Это спасёт подачу, — сказала она.

— Вы всё предусмотрели? — спросил Ланин.

— На кухне надо предусмотреть хотя бы половину чужих ошибок. Тогда обед, может быть, состоится.

Она подозвала Павла.

— Запомни: всё приготовлено заранее. Ланспик схватился. Не переделывай, только аккуратно вынь, разложи и подай.

— А расходный лист?

— Отнесёшь в контору после подачи. Сейчас руки нужны здесь.

Павел положил бланк на полку возле служебной двери.

Ланин заметил, что глаза Аглаи устали, но движения оставались точными. Вместо испорченного блюда она уже собирала новое.

— Вы бы хоть немного отдохнули.

— После ужина.

— А если затянется?

— После гостей.

— А если гости захотят остаться?

— Начну брать за ночлег. А вы, если желаете быть полезным, сходите в зал и узнайте, сколько человек уже приехало. Мне нужны сведения, а не сочувствие.

Ланин поклонился.

— Слушаюсь, Аглая Антоновна.

— Вот теперь вы почти годитесь в официанты.

Он вышел, довольный неожиданно больше, чем следовало после столь сомнительного комплимента.

✦

К половине седьмого. Служебный коридор.

К половине седьмого начали прибывать гости. Первому господину, явившемуся почти на час раньше, Фёдор Цыпин предложил сперва осмотреть часы.

— Какие часы?

— Редчайшей русской работы. Показывают движение небесных тел.

— И что, небесные тела нынче удачно идут?

— Куда надёжнее наших беговых лошадей, ваше превосходительство.

Господин засмеялся и направился в зал.

У служебного входа Фёдора остановил Борисов.

— Фёдор Никитич. Уговор наш помните?

Улыбка официанта поредела.

— Помню.

— Тогда почему днём меня избегали?

— Работы много.

— Работа — причина уважительная. Договорённость — обязательная.

Борисов сунул ему небольшой конверт.

— Здесь остальное.

— Я ведь ещё ничего не сделал.

— Вот и не вынуждайте меня жалеть о доверии.

— А если не получится?

— Получится. Нужно лишь сделать то, о чём условились. Без самодеятельности.

— И никаких других поручений?

— При аккуратной службе — никаких.

Фёдор оглянулся. На другом конце коридора появился Ланин. Официант спрятал конверт.

— Господин журналист! Какими судьбами?

— Приглашён на ужин. А у вас, вижу, вечер начался с удачи?

— У нас каждый вечер удача, когда гости довольны.

— Что у вас в кармане?

Фёдор невольно коснулся сюртука.

— Платок.

— Надеюсь, чистый.

— При гостях — непременно.

Ланин перевёл взгляд на Борисова.

— Григорий Кузьмич, сегодня наконец поговорим?

— Завтра утром. Сегодня не место и не время.

— Вы уже дважды переносили встречу.

— Торопливость портит хорошие сделки. Завтра, если ничего не случится.

— Условились.

Борисов протянул сухую холодную руку.

— До завтра, Илья Сергеевич.

Он ушёл в хозяйственную часть.

Ланин проводил его взглядом.

— Человек весьма расчётливый, — заметил он.

— И сдачи не даст, пока не удостоверится, что вы ему должны, — ответил Фёдор.

Конверт журналист запомнил, но вопросов больше не задавал. В его собственных карманах тоже не всё предназначалось для чужого любопытства.

✦

Левитин принимал двух состоятельных господ, которых рассчитывал заинтересовать новым рестораном. Перед ними лежали чертежи, образцы тканей, резная шкатулка русской работы.

— Господа, вы всё толкуете о Париже. А я вам покажу Москву, которой ещё нет!

— Сначала покажите смету, — отозвался один из гостей.

— Непременно.

— Когда?

— Как только архитектор перестанет строить мне раскрашенную избу вместо ресторана.

Ланин, проходивший мимо, услышал смех. Левитин заметил его.

— Илья Сергеевич! Идите сюда. Сегодня обязаны попробовать всё.

— А счёт?

— Для вас бесплатно.

— Тогда особенно тщательно проверю качество.

— Вот видите, господа! Покормишь газетчика даром — становится строже.

Ланин вошёл.

— Я видел Борисова. Он обещал встретиться завтра.

Улыбка Левитина исчезла.

— Что ему опять нужно?

— Пока только поговорить. О старых счетах.

— Он со всеми о счетах говорит! Даже доброго утра не пожелает, пока не проверит задолженности.

— Между вами разногласия?

— Хозяйственные.

— Серьёзные?

— Достаточно, чтобы не обсуждать при гостях. И, ради Бога, не портите мне вечер. Сегодня говорим о русском мастерстве; о неприятностях — завтра.

— Григорий Кузьмич тоже назначил завтра.

— Значит, утро у вас будет насыщенное.

Левитин вернулся к гостям.

✦

В коридоре Ланин встретил Софью Борисовну в тёмной шляпе. В руке она держала небольшую сумку.

— Уходите? Не останетесь на торжество?

— Не люблю торжеств, на которых заранее известно, кто произнесёт самую длинную речь.

— Левитин?

— Думаю, здесь нет опасности ошибиться.

Софья улыбнулась и сразу посерьёзнела.

— Вы видели отца?

— Только что. Разговаривал с официантом, потом ушёл к весовой.

Она нахмурилась.

— Благодарю.

— Вы искали его?

— Напротив. Сегодня предпочла бы не встречаться.

— Почему?

— Потому что разговор с отцом непременно кончается обсуждением того, что я ему должна. Деньги, благодарность, иногда всю оставшуюся жизнь.

Она застегнула перчатку.

— Мне пора. Я обещала встретиться с человеком в кондитерской.

— Деловая встреча?

— Не совсем.

— Надеюсь, приятная.

Софья посмотрела на него с едва заметной грустью.

— Есть встречи, на которые идут не ради удовольствия, а чтобы наконец перестать чего-то ждать.

Она ушла. Ланин ещё некоторое время смотрел ей вслед.

В этой истории многие говорили о долгах. Левитин — о деньгах, вложенных в будущее. Борисов — о старых расчётах. Софья — о благодарности, которую требовал отец. Аглая — о работе, отданной другому.

И только Крыжин, казалось, говорил исключительно о кухне. Хотя его фамилия встречалась почти в каждом разговоре.

✦

Около 18:35.

Крыжин проверил дичь, попробовал соус, распорядился поправить гарнир и похвалил молодого повара за рыбу. Затем снял белый рабочий передник.

— Аглая Антоновна, холодную подачу оставляю на вас.

— Как обычно.

— Закуски из запасной партии?

— Уже собираем. Первые подадим до главного ужина.

Крыжин кивнул.

В дверь заглянул Тимофей.

— Егор Матвеевич, вас спрашивает Григорий Кузьмич.

— Где?

— У весовой. Сказал, по делу.

— Передай, что приду.

Крыжин посмотрел на часы у двери. Аглая продолжала раскладывать закуски.

— Опять счёты? — спросила она.

— Вероятно.

— Борисов сегодня беспокоен.

— Он всегда беспокоен, когда кто-нибудь, кроме него, собирается получить деньги.

Крыжин улыбнулся, но как-то устало.

— Завтра поговорим, Аглая Антоновна.

— О рецептах?

— И о них тоже.

— Тогда приходите с записями.

Он помедлил.

— Вы мне не доверяете?

— В вопросах вкуса — вполне. В вопросах памяти предпочитаю бумагу.

— Иногда думаю, что ошибся, научив вас считать.

— Считать меня мать учила.

— А готовить?

— Вы. Но не всему.

Он поклонился с преувеличенной учтивостью.

— Остаюсь в ожидании дальнейших открытий.

Крыжин вышел.

Через несколько минут Ланин увидел его в дальнем коридоре. Повар шёл быстро, словно не замечая работников, привычно уступавших дорогу. В руке он держал сложенный листок.

Навстречу прошёл Тимофей с пустой корзиной. Они обменялись парой слов; Крыжин скрылся за поворотом.

Возле двери весовой уже стоял Борисов. Увидев повара, кладовщик снял очки, протёр стёкла и удовлетворённо улыбнулся.

Так смотрит человек, уверенный, что наконец заставил другого явиться к нему на поклон.

— Егор Матвеевич.

— Григорий Кузьмич.

— Войдёмте. Разговор короткий.

— Очень на это надеюсь.

Дверь за ними закрылась.

Ланин постоял минуту и направился в зал. Разговор повара с кладовщиком возле весов был так же обыкновенен, как разговор доктора с аптекарем. Подозревай журналист преступление за всякой закрытой дверью — ему пришлось бы бросить остальные занятия.

✦

Незадолго до семи часов.

Фёдор Цыпин принял поднос.

— Заливное поставьте на дальний край стола, — велела Аглая. — Там прохладнее.

— Слушаю.

— И не перепутайте птицу с рыбой.

— Неужели я способен?

— Вы способны удивить меня. Не хочу выяснять, насколько.

За ним вошёл Тимофей.

— Ты понесёшь второй. Ровно, без геройства.

Когда они ушли, Павел взял опустевшую корзину с синей бечёвкой.

— Куда её?

— В кладовую. А расходный лист — в контору, после подачи.

— Григорий Кузьмич ругаться будет.

— Скажешь, что я велела.

— Он ещё сильнее будет ругаться.

— Значит, хоть один человек получит сегодня удовольствие.

Аглая поправила пинцетом неровно лежавшую раковую шейку, провела пальцем по краю серебряного блюда. Чисто.

Она не умела работать вполсилы. Её раздражали разговоры о великих поварах, если рядом кто-то плохо вымыл тарелку. Мастерство состояло из тысячи маленьких действий, которых никто не замечал, пока их не выполняли плохо.

✦

В зале первые закуски встретили с одобрением. Старый коннозаводчик, прозванный Князем за дворянские манеры и совершенно купеческое состояние, попробовал заливную дичь.

— Вот это я понимаю. Не то что ваши французские пенки. Чья работа?

— Аглаи Антоновны Поливановой, — ответил Прохор.

— Женщина?

— Именно.

Князь попробовал ещё кусочек.

— Передайте, готов жениться.

— Передам. Но она, боюсь, откажет.

— Почему?

— Предпочитает распоряжаться собственной кухней.

Гости засмеялись.

Ланин отметил, что первые закуски подали ещё до появления Крыжина. Прохор уверенно руководил официантами. Фёдор работал быстро, но время от времени поглядывал на служебную дверь. Тимофей едва не столкнулся с гостем, неожиданно вставшим из-за стола, однако удержал поднос и победно взглянул на Ланина. Журналист ответил кивком.

— Выходит, Аглая Антоновна спасла вечер, — заметил он.

— Она ежедневно его спасает, — ответил Прохор. — Просто сегодня это особенно красиво сервировано.

— А Крыжин?

— Сейчас будет.

— Давно его нет?

— Перед ужином у повара много забот.

Ланин вспомнил закрытую дверь весовой. Повар, кажется, задержался дольше, чем намеревался. Впрочем, никто не бил тревоги. Зал полон, еда появляется вовремя — отчего повару не разобраться в хозяйстве?

✦

Около четверти восьмого.

Крыжин вернулся на кухню неожиданно. Павел едва не опрокинул миску.

— Осторожнее, братец! Сегодня у нас и без того достаточно жертв.

Улыбка повара вышла короче обычного.

— Егор Матвеевич, куда пропали? — спросила Аглая.

— С хозяйством разбирался.

— Борисов опять недоволен?

— Борисов редко бывает доволен. Не его ремесло.

Он вытер пальцы салфеткой.

— Что подали?

— Первые закуски. Запасные гарниры пошли в дело.

— Хорошо.

Крыжин обошёл стол. Обыкновенно он пробовал всё, что выходило из кухни под его руководством. Теперь только поправил веточку зелени.

— Не попробуете? — спросила Аглая.

— Доверяю вам.

— Это новое обстоятельство.

— Разве вы не заслужили?

— Просто вы всегда пробуете.

Крыжин взял чистую ложку, коснулся соуса и поднёс к губам.

— Превосходно. Как и ожидал.

Он отложил ложку.

— Мой парадный сюртук в кабинете? Пусть принесут.

Аглая посмотрела на него внимательнее.

— Вы нездоровы?

— С чего взяли?

— Дважды назвали мой соус превосходным и ни разу не предложили его исправить.

Он засмеялся — почти искренне.

— Не тревожьтесь. Завтра наверстаю.

Крыжин ушёл переодеваться.

Аглая снова попробовала соус. Всё было правильно. И всё-таки что-то тревожило её — только не во вкусе.

✦

Около 19:25. Большой зал.

Крыжин появился перед гостями в парадном сюртуке, белой манишке и аккуратно завязанном галстуке. Левитин встретил его так, словно в зал вошёл спаситель отечества.

— Господа! Позвольте представить человека, которому я доверил важнейшее дело!

— Накормить нас? — спросил Князь.

— Даже больше!

— Тогда это чрезвычайно опасный человек.

Гости рассмеялись.

Левитин поднял руку.

— Сегодня мы собрались не просто ради ужина. Москва слишком долго восхищалась всем иностранным. Французский повар — знаменитость, немецкий мастер — учёный, итальянский художник — украшение салона. А русский?

— Русский платит за всё перечисленное! — выкрикнул кто-то.

— Вот именно! Но у нас есть свои мастера. Посмотрите хотя бы на часы! Их приписывают ржевскому купцу Волоскову. Без иностранных академий человек создал удивительный механизм!

— А точные? — спросил гость.

— Разумеется!

Ланин незаметно взглянул на карманные часы. Вопрос оставался открытым.

— И это лишь начало, — продолжил Левитин. — Мы хотим прославить русскую кухню и русский труд. Сегодняшний ужин покажет, чего стоят наши мастера! Егор Матвеевич!

Крыжин поклонился под аплодисменты.

— Благодарю, господа. Максим Фёдорович произнёс столько прекрасных слов, что мне остаётся сделать так, чтобы после ужина вы вспомнили хотя бы половину.

Смех.

— О русской кухне говорят много. Иной рассуждает о ней с таким жаром, что забывает проверить, сварились ли щи. Я предпочитаю начинать с плиты.

— А оливье? — спросил Князь. — Где наш француз?

— Дойдём и до француза. Салат никуда не убежит.

— А вдруг съедим раньше?

— Тогда моя речь окажется лишней, и ужин от этого только выиграет.

Крыжин умел держать зал. Он не старался победить публику красноречием, как Левитин. Он приглашал гостей в разговор и незаметно оставался в нём главным.

— Знаете, отчего столько хороших поваров остаются неизвестными? — спросил он.

— По-французски не говорят! — отозвался кто-то.

— Нет. Хороший повар занят обедом. Ему некогда объяснять, насколько он замечателен.

— А вам время нашлось?

— Благодаря Максиму Фёдоровичу. Сегодня он позволил мне оставить кухню на попечение человека, которому я доверяю вполне.

— Мужчине? — спросил Князь.

— Женщине. Аглае Антоновне Поливановой.

— Так это она заливную птицу приготовила?

— Под её руководством.

— Передайте, что превосходно!

— Непременно.

Ланин заметил, как просиял Левитин. Человеку, мечтающему прославить русских мастеров, следовало бы почаще произносить их имена именно так — при публике. Без необходимости сначала искать великого покойника.

✦

Ближе к восьми вечера.

Главное блюдо вечера внесли на большом серебряном подносе: аккуратные ломтики дичи, овощи, раковые шейки, каперсы и другие холодные украшения. Соус подавали отдельно.

Левитин пожелал торжественной подачи. Трое официантов несли блюдо с видом людей, сопровождавших высокого чиновника. Четвёртый — ложки.

— Господа! — объявил хозяин. — Перед вами блюдо, которое знает вся Москва. Сегодня вы попробуете его по старинным записям!

Раздались одобрительные возгласы.

— Позвольте вопрос, — сказал Ланин.

Левитин вздохнул.

— Я так и знал.

— Чьей рукой сделана старинная запись?

Крыжин спокойно посмотрел на журналиста.

— Вопрос разумный. Есть материалы прежней кухни, более поздние заметки, переводы. Мы пробуем восстановить достойный состав, сохранив лучшие приёмы.

— Значит, это не обязательно первоначальный рецепт господина Оливье?

Левитин хотел вмешаться, но Крыжин остановил его.

— Я не утверждал, будто держу собственноручную запись покойного господина Оливье.

— А кто автор сегодняшнего варианта?

— Сегодня его приготовила моя кухня.

— Это не совсем ответ.

— Зато хороший повод попробовать.

Князь стукнул ложкой о бокал.

— Господа, если прежде каждой тарелки выяснять её родословную, придётся перенести ужин на завтра!

Смех вернул гостям аппетит. Блюдо разнесли.

Один гость объявил, что прежде не ел столь удачного оливье. Другой уверял, что и прежде ел превосходное, но нынешнее превосходит его ещё больше. Третий попросил вторую порцию. Левитин счёл это наилучшей рецензией.

Крыжин принимал похвалы спокойно, отвечал на вопросы о составе, шутил, советовал попробовать соус отдельно.

Прохор подошёл к Ланину.

— Довольны, Илья Сергеевич?

— Салат превосходный. Аглая Антоновна постаралась.

— И не только она.

— Разумеется.

— Хорошо, что вы произнесли это слово.

— Какое?

— «Разумеется».

— Вы опять знаете больше, чем говорите.

— В моей профессии это называется опытом.

— В моей — препятствием расследованию.

— Мы потому и ладим, что называем вещи по-разному.

Ланин попробовал салат ещё раз. Сочетание вкусов было продуманным, непростым. Но теперь его занимала не только еда.

Крыжин руководил. Аглая создавала и исполняла. Молодые повара помогали. Левитин платил. Официанты подавали.

А гость, уходя, рассказывал бы, что ел салат Оливье. Имя человека, умершего одиннадцать лет назад, оставалось единственным, которое было известно всем.

✦

Около 20:10.

Крыжин стоял у центрального стола и объяснял гостям, почему холодный соус требует особой осторожности при подаче тёплой дичи. Большинство прежде не интересовалось температурой соуса, но хороший рассказ превращал даже её в приключение.

— Простите на несколько минут, господа. Надо проверить одну хозяйственную мелочь.

— У вас и на празднике работа? — удивился Князь.

— У повара праздник начинается, когда гостям уже подали последнее блюдо.

Крыжин поклонился и направился к служебному коридору.

Ланин хотел спросить его о записях 1886 года, но повар вышел слишком быстро. Журналист взглянул на карманные часы: около десяти минут девятого.

В зал вошёл Тимофей с подносом, за ним — Фёдор. За столами спорили, в чём тайна оливье: в соусе, раковых шейках или щедрости того, кто оплатил обед.

Крыжин вернулся прежде, чем Ланин решил, стоит ли искать его. Журналист снова посмотрел на часы.

Прошло приблизительно четыре минуты.

Повар остановился у дверей, оправил манжету.
— Простите за задержку.
— Что случилось? — спросил Левитин.
— Ничего серьёзного. Уточнил кое-что по хозяйству.
— Сейчас-то зачем?
— Завтра сами похвалите за предусмотрительность.
Левитин махнул рукой. Крыжин вернулся к рассказу с того же места, где прервался. Ланин открыл записную книжку и написал:
«Около 8 ч. 10 м. — 8 ч. 14 м. По моим часам. Сверка не произведена».

Подумал, хотел добавить «вернулся спокойно», но отказался. Спокойствие измерить трудно. Время — по крайней мере можно попробовать.

Он убрал книжку.

Запись не казалась важной. Повар на четыре минуты вышел из зала. Что обыкновеннее?

✦

Около 20:35.

Левитин предложил поднять бокалы.

— За русское мастерство!

— За хорошую кухню! — отозвался Князь.

— И за людей, которые на ней работают, — добавил Ланин.

— Именно! За людей! — подхватил хозяин.

Бокалы зазвенели.

Крыжин поднял свой.

— Хороший повар, господа, должен знать три вещи: что умеет, чего не умеет и кому обязан первым.

— А четвёртую? — спросил кто-то.

— Четвёртую должен знать хозяин ресторана.

— Какую?

— Сколько всё это стоит.

Левитин погрозил ему пальцем.

— Вы, Егор Матвеевич, решили разорить меня окончательно!

— Не беспокойтесь. Начнём с гостей.

Зал рассмеялся.

У дверей появился Павел. Лицо у мальчика побелело. Он остановился, не решаясь войти. Прохор заметил его первым, подошёл, коротко о чём-то спросил.

Павел ответил — и принялся тереть ладони о чистый передник.

Прохор нахмурился.

— Где Тимофей?

— Там, — прошептал Павел, указывая на хозяйственный коридор.

Старший официант быстро вышел. Ланин следил за ним из-за стола.

Через минуту за дверью поднялась суета. Кто-то поспешно прошёл по деревянному полу; донёсся сдавленный голос:

— Не надо туда…

Прохор вернулся с Тимофеем Вороновым. Мальчик выглядел так, будто за несколько минут повзрослел лет на десять.

— Егор Матвеевич…

Крыжин обернулся.

— Что, братец?

— Там…

Прохор попытался придержать его за плечо, но Тимофей обратился уже к Ланину.

— Я за льдом пошёл… Дверь была не закрыта…

Он сглотнул.

— В леднике человек лежит.

В зале стало тихо.

— Какой человек? — резко спросил Левитин.

— Григорий Кузьмич.

— Борисов? Что он там делает?

Тимофей затряс головой.

— Он…

Крыжин поставил бокал.

— Успокойся. Ты уверен, что это Григорий Кузьмич?

— Да.

— Без сознания?

Мальчик наконец выговорил:

— Мёртвый.

Некоторое время никто не двигался. В зале, где минуту назад спорили о славе русского мастерства, стало слышно размеренное тиканье больших часов.

Левитин первым опомнился.

— Врача! Немедленно!

— Уже послали, — ответил Прохор.

— Полицию?

Старший официант кивнул.

Крыжин наклонился к Тимофею.

— Ты его трогал?

— Нет.

— Правильно. И никому не позволяй.

Он повернулся к гостям.

— Прошу сохранять спокойствие. Произошло несчастье. Обстоятельства пока неизвестны.

— Несчастье? В леднике? — переспросил один из приглашённых.

— Пока ничего не известно, — повторил повар.

Ланин вспомнил сухую ладонь Борисова и его слова: «До завтра, Илья Сергеевич».

Утром кладовщик обещал показать старые счета. Теперь сам превратился в главную новость вечера.

— Прохор Ерофеевич, проводите меня к леднику, — сказал журналист.

— Не следует, Илья Сергеевич. Полиция скоро будет.

— Я ничего не трону. Только посмотрю с порога.

Прохор поколебался и повёл его по коридору.

Позади Левитин просил Крыжина остаться с гостями и сохранить порядок. Повар согласился. В зале на серебряном блюде лежали остатки знаменитого салата, к которому уже никто не притрагивался.

У двери ледника толпились два работника. Прохор отослал их в сторону и поднял лампу.

Ланин остановился на пороге.

Из холодной темноты пахнуло сыростью. На полу лежал Борисов. Очки съехали набок. Возле виска темнело пятно, которое не могло быть следом обычного обморока.

— Врач, когда придёт, скажет, отчего он умер, — тихо произнёс Прохор.

— А кто скажет, когда? — спросил Ланин.

Старший официант не ответил.

Ланин вспомнил Борисова у весовой. Тогда кладовщик встретился с Крыжиным, и журналист не придал разговору значения. Теперь это было последнее место, где он сам видел Борисова живым.

Из зала донёсся удар больших часов. Ланин не стал искать ответ на их циферблате.

— Прохор Ерофеевич, — сказал он, — попросите никого пока не входить в весовую.

— В весовую? Но Григория Кузьмича нашли здесь.

— Знаю. А живым я последний раз видел его там.

Прохор поднял лампу и посмотрел на журналиста уже без привычной официантской улыбки. — Тогда, Илья Сергеевич, расскажите об этом следователю прежде всего.

Глава шестая

Ледник

Москва. Ночь с 26 на 27 мая 1894 года. Ресторан Левитина.

I. Человек на льду

— Не наступайте туда!

Ланин успел остановить Тимофея за рукав.

Мальчик уже занёс ногу над тёмным пятном на полу.

— Я только хотел посмотреть, Илья Сергеевич…

— Ты уже посмотрел. Теперь пусть смотрят те, кому положено.

— А вдруг он ещё живой?

Ланин не ответил.

В тесном помещении пахло мокрым деревом, опилками и тем особенным холодом, от которого щиплет ноздри даже в тёплый день.

На низких подставках лежали крупные глыбы льда. Между ними темнели проходы. У стены стояли ящики с продуктами, прикрытые мешковиной. С потолочных балок свисали крючья.

На полу возле одного из ящиков лежал человек.

Григорий Кузьмич Борисов.

Лежал не так, как падают в обморок.

Правая рука была подвернута под туловище. Левая вытянулась к деревянной стенке, словно он пытался за что-то ухватиться. Одна нога оказалась подогнута, другая — вытянута к двери.

Очки съехали набок.

На волосах у затылка темнело нечто, чего Ланин предпочёл бы не замечать.

Он присел, не приближаясь вплотную.

— Света сюда.

Прохор поднял фонарь.

Жёлтое пламя дрогнуло за стеклом.

— Господи помилуй, — прошептал Тимофей.

Ланин посмотрел на старшего официанта.

— Врач?

— Послали.

— Полиция?

— Тоже.

— Кто первым обнаружил?

— Тимофей.

— А кто входил после него?

Прохор помедлил.

— Я. Павел заглянул с порога. Больше никого не пускал.

— Хорошо.

— Вы хотите его осмотреть?

Ланин покачал головой.

— Я не врач. И не судебный следователь.

— Однако пришли.

— Потому что ещё вчера он собирался рассказать мне историю, за которую, кажется, требовал немалую цену.

Прохор медленно опустил фонарь.

— Вы полагаете, его убили?

Ланин указал на затылок Борисова.

— Полагаю, падение было неприятным. Но здесь есть кое-что страннее.

— Что?

— Посмотрите на пол.

Старший официант наклонился.

Тёмная влага возле головы Борисова почти не растеклась. На мокрых досках виднелись отдельные пятна, но не было той большой лужи крови, которую Ланин ожидал увидеть при столь тяжёлой ране.

— Холод, — сказал Прохор. — Может, оттого?

— Может.

Журналист осторожно отступил к двери.

— А может, он упал совсем в другом месте.

Прохор посмотрел на него.

За дверью кто-то торопливо шёл по коридору.

— Тогда зачем его сюда принесли?

Ланин снова взглянул на неподвижного кладовщика.

— Вот об этом, боюсь, придётся спрашивать не покойника.

✦

У входа в ледник собрались работники.

Павел стоял у стены, прижимая к груди передник. Тимофей то и дело заглядывал в дверной проём.

— Разойдитесь, — приказал Прохор. — Здесь не ярмарка.

Никто не двинулся.

— Павел, на кухню. Тимофей, к служебному входу. Встретишь врача.

— А если господин Крыжин спросит?..

— Скажешь, что я распорядился.

Мальчики наконец ушли.

Ланин закрыл за ними дверь, оставив небольшую щель для света.

— Вы Борисова хорошо знали?

— Слишком долго, Илья Сергеевич.

— Хорошим человеком считали?

Прохор задумался.

— Служащий он был аккуратный.

— Вы опять отвечаете на другой вопрос.

— А вы опять задаёте тот, на который нельзя ответить коротко.

Ланин неожиданно вспомнил записку Борисова.

«Настоящую цену французского салата следует искать в русских счетах».

Ещё несколько часов назад эта фраза казалась ловкой приманкой для журналиста.

Теперь она выглядела значительно неприятнее.

— Последний раз вы видели его когда? — спросил Ланин.

— Перед ужином. Он ходил по хозяйственным помещениям.

— Точное время?

— Не сверял.

— А часы в зале?

— Били, конечно.

— Когда?

Прохор посмотрел на него с усталым недоумением.

— Илья Сергеевич, я сегодня обслуживал почти тридцать человек. Помню, кому подали осетрину, кто потребовал другое вино и сколько раз господин Левитин произнёс слово «русский». Но если вы спросите, что именно делал в каждую минуту, придётся мне сперва научиться раздваиваться.

— Не надо. Одного Прохора Ерофеевича Москве вполне достаточно.

— Вот и я так считаю.

В коридоре послышались шаги.

На этот раз пришёл Крыжин.

— Как он? — спросил повар ещё с порога.

Прохор молча отступил.

Крыжин увидел тело.

Лицо его изменилось.

Он снял очки, хотя никаких очков на нём не было, и остановился, словно рука сама вспомнила движение, к которому привыкла в другие годы.

— Гриша, — тихо произнёс он.

Ланин впервые услышал, чтобы кто-нибудь называл Борисова так.

Крыжин опёрся ладонью о дверной косяк.

— Господи… До чего же ты дошёл.

Он хотел приблизиться, но Прохор загородил проход.

— Егор Матвеевич, лучше не трогать.

— Я знаю.

Повар выпрямился.

— Кто обнаружил?

— Тимофей.

— Никто ничего не передвигал?

— Нет.

— Хорошо.

Он произнёс это привычным поварским тоном, каким мог бы велеть сохранить неудачное блюдо для выяснения причины.

Потом взглянул на Ланина.

— Вы здесь зачем?

— По той же причине, что и вы.

— Вы его знали несколько дней.

— А вы?

Крыжин помолчал.

— Почти всю жизнь.

И вышел.

Ланин проводил его взглядом.

Ему показалось, что в голосе повара прозвучала не только скорбь.

Но он тут же одёрнул себя.

Пока у него не было права объяснять чужое горе собственными догадками.

II. Обед остался на столах

В зале уже знали о смерти.

И всё-таки никто не понимал, как следует себя вести.

Один из гостей требовал немедленно подать экипаж.

Другой настаивал, что обязан дождаться полиции, поскольку лично знаком с важным лицом в судебном ведомстве.

Третий, совершенно растерявшись, продолжал есть салат.

— Я ведь ничего дурного не делаю? — спросил он Прохора.

— Никак нет-с.

— Просто холодное блюдо пропадёт.

— Совершенно справедливо.

Гость вздохнул с облегчением и доел.

Левитин стоял возле большого стола.

На лице его застыло выражение человека, который только что увидел, как рушится строение, в которое вложил последние деньги.

— Господа! — объявил он. — Прошу вас сохранять спокойствие. Случилось несчастье. Все необходимые распоряжения сделаны.

— У вас на складе убили человека! — выкрикнул пожилой купец.

— Этого ещё никто не установил!

— Но он мёртвый!

— Этого, к сожалению, отрицать нельзя.

Левитин осёкся.

Собственные слова показались ему чудовищно неуместными.

Он провёл рукой по лицу.

— Простите, господа. Я не то хотел сказать.

Ланин подошёл к нему.

— Максим Фёдорович.

— А! Журналист! Только вас мне недоставало.

— Я понимаю ваше положение.

— Не понимаете. Завтра вся Москва будет говорить, что у меня подают покойников вместо рябчиков!

— Постарайтесь, чтобы этого не произошло.

— Каким образом?

— Не произносите подобных фраз при людях, которым нечего будет делать до утреннего выпуска газеты.

Левитин посмотрел на него и неожиданно коротко рассмеялся.

— Вот за что я вас ненавижу. Даже теперь вы правы.

Он оглядел притихших гостей.

— Не хочу, чтобы из-за этого человека погибло всё моё дело.

— Из-за его смерти?

— Из-за скандала.

— Это не одно и то же.

Левитин нахмурился.

— Вы опять намерены читать мне нравоучения?

— Нет. Просто у Борисова осталась дочь. Ей сейчас понадобится больше помощи, чем вашему ресторану — рекламы.

Хозяин замолчал.

Ланин увидел, как тот с усилием переводит мысли с собственного убытка на чужое несчастье.

— Софья, — произнёс Левитин.

— Она ещё не знает?

— Кажется, нет.

— Тогда нужно послать за ней человека. Только не того, кто сообщит о смерти отца посреди улицы.

— Да. Разумеется.

Левитин повернулся к Прохору.

— Подготовьте отдельную комнату. Если Софья Борисовна вернётся, немедленно проводите туда. И найдите врача, если понадобится.

— Слушаю-с.

— А гостям объясните, что мы просим их оставить адреса для следствия. Кто пожелает, может уехать после разрешения полиции.

Он снова обратился к Ланину.

— Вы думаете, она примет помощь?

— Не знаю.

— Она всегда отказывается.

— Возможно, сегодня лучше предложить её без условий.

Левитин посмотрел на него так, словно услышал нечто совсем новое.

✦

Аглая вышла из кухни с полотенцем в руках.

Она ещё не видела тела. Павел рассказал ей о случившемся, перемешав порядок событий и дважды перепутав двери.

— Где Тимофей? — спросила она.

— У служебного входа, — ответил Ланин.

— Он видел всё?

— Он нашёл Борисова.

Аглая закрыла глаза.

Всего на мгновение.

— Бедный мальчик.

— А Григорий Кузьмич?

Она посмотрела на журналиста.

— И его жалко. Думаете, я перестала понимать, что человек смертен, только потому, что он был мне неприятен?

— Простите.

— Это вы умеете. Особенно после того, как задали вопрос.

Он не ответил.

Аглая посмотрела в сторону холодной кухни.

— Там всё ещё стоят блюда. Нужно убрать.

— Сейчас?

— А когда? Завтра? Чтобы продукты испортились и пришлось выбросить ещё полтора десятка хороших порций?

Она резко оборвала себя.

— Господи, я уже говорю, как он.

— Борисов?

— Да. Сразу думаю о потерях.

— Вы повар. Для вас это естественно.

— Для него тоже было естественно.

Она сжала полотенце.

— Только он всё считал, Илья Сергеевич. Даже то, чего не мог потерять.

— Например?

— Чужую благодарность.

Ланин вспомнил расчёт восемьдесят шестого года.

Хотел спросить.

И не спросил.

Впервые за всё их знакомство Аглая выглядела человеком, которому не до вопросов.

— Что я могу сделать? — спросил он.

— Скажите Тимофею, чтобы не ходил к леднику. И Павлу тоже. У них завтра работа.
— А у вас?
Она посмотрела на свои руки.
— И у меня.
Потом добавила почти шёпотом:
— Только я ещё не знаю, как теперь войти туда, где он лежит.

III. Доктор и мертвец

Врач прибыл немного позже девяти.

Это был невысокий пожилой человек с красными от ветра щеками, плохо застёгнутым пальто и саквояжем, который он нёс так бережно, словно внутри находилось не врачебное имущество, а домашняя кошка.

— Где больной? — спросил он.

— В леднике, — ответил Прохор.

— Почему в леднике?

— Потому что там его нашли.

Врач посмотрел на него поверх пенсне.

— Изъясняйтесь яснее. Мне сказали, человека ударили.

— Возможно, ударили.

— Жив?

Прохор помолчал.

— Боюсь, нет.

— Тогда зачем меня звали?

— Чтобы убедиться.

Врач тяжело вздохнул.

— Удивительная привычка. Пока человек жив, к нему зовут извозчика. Когда умер — врача.

Он прошёл к телу, попросил света и опустился на колено.

Осмотр длился недолго.

Врач осторожно проверил признаки жизни, затем приподнял край волос на затылке. Несколько секунд изучал рану.

— Мёртв, — сказал он.

Прохор перекрестился.

— Давно?

— Достаточно, чтобы уже не помочь.

— А точнее? — спросил Ланин.

Врач поднял голову.

— Вы родственник?

— Журналист.

— Тогда мой ответ тем более прежний.

— Простите. Важно установить, когда он умер.

— В таком случае понадобится надлежащий осмотр. Здесь холодно, сударь. Холод меняет состояние тела, а я не гадалка с ярмарки, чтобы назначать минуту смерти по выражению лица.

Ланин поклонился.

— Справедливо.

Врач вновь осмотрел голову Борисова.

— Повреждение серьёзное. Похоже на удар тяжёлым тупым предметом.

— Мог упасть? — спросил Прохор.

— Мог. Люди вообще способны падать самым неудачным образом. Но мне не нравится характер раны.

— Значит, убийство?

— Значит, требуется судебно-медицинское исследование. Не заставляйте меня говорить за то, чего я ещё не видел.

Он достал платок и вытер руки.

— И ещё. Его не следует переносить до распоряжения следствия.

— А кровь? — спросил Ланин. — Вам не кажется, что её здесь слишком мало?

Врач внимательно посмотрел на пол.

Потом на журналиста.

— Вы хотите сказать, что человек получил повреждение в другом месте?

— Я хочу спросить, возможно ли это.

— Возможно. Но сначала пусть осмотрят остальные помещения. Кровь, знаете ли, не обязана оставаться там, где удобно вашему рассказу.

— А вам удобно моё предположение?

— Мне удобнее доказательства.

Ланин почувствовал к врачу неожиданное расположение.

— Мы с вами, кажется, одинаково работаем.

— Тогда очень вам сочувствую.

✦

Полиция появилась вслед за врачом.

Первый прибывший чин осмотрел помещение, распорядился оставить у входа городового и потребовал, чтобы никто из работников не покидал ресторан без разрешения.

Левитин воспринял последнее распоряжение как личное оскорбление.

— У меня люди должны работать!

— Сегодня они должны отвечать на вопросы.

— А завтра кто станет готовить?

— Если понадобится, выясним и это.

— Да вы понимаете, сколько у меня стоит один день простоя?

Полицейский чин посмотрел на него без особенного интереса.

— Стоимость дня простоя, сударь, укажите в отдельном заявлении.

Левитин открыл рот.

Закрыл.

Потом повернулся к Прохору:

— Удивительное дело. В Москве все умеют считать деньги, кроме тех, кто распоряжается чужими.

Прохор предпочёл не отвечать.

Из служебного коридора вышел Фёдор Цыпин.

Увидев полицейского, он остановился.

— Вам куда? — спросил тот.

— Я… к гостям.

— Гости разъехались?

— Не все-с.

— Тогда ступайте к ним.

Фёдор поспешил прочь.

Ланин заметил, что официант держит правую руку у внутреннего кармана сюртука.

Точно так же, как при разговоре с Борисовым.

В кармане оставался конверт.

И теперь его содержимое представлялось куда интереснее обычных чаевых.

Ланин догнал Фёдора.

— Фёдор Никитич.

— Илья Сергеевич, ради Бога, не сейчас.

— Что вам передал Борисов?

Официант побледнел.

— Ничего.

— Я видел конверт.

— Вы ошиблись.

— Возможно. Покажете, и я извинюсь.

Фёдор коротко оглянулся.

— Вы хотите, чтобы меня уволили?

— За конверт?

— Вы ничего не знаете.

— Тогда расскажите.

— Не могу.

— Почему?

Фёдор посмотрел на него с выражением, в котором исчезло всё его прежнее веселье.

— Потому что теперь любое моё слово будет звучать так, будто я виноват.

Он вырвался из разговора и ушёл в зал.

Ланин не последовал за ним.

На этот вечер у него уже было достаточно людей, предпочитавших тайну объяснению.

IV. Человек, который не любил приблизительности

Судебный следователь Аркадий Петрович Ржевский прибыл поздно вечером.

Ему было сорок девять лет, хотя аккуратно подстриженные бакенбарды и прямая осанка позволяли при желании сбросить несколько лет. Впрочем, Аркадий Петрович не желал.

Он считал, что следователю возраст идёт больше, чем молодость.

Сняв пальто, он прежде всего попросил показать не тело, а план помещений.

Левитин удивился.

— Разве вы не хотите узнать, как погиб мой служащий?

— Хочу. Для этого необходимо понять, где он находился.

— В леднике.

— Это я знаю.

— Тогда в чём затруднение?

— В том, что ваш ресторан, сударь, несколько больше ледника.

Левитин посмотрел на Прохора.

— Вы слышите? Человек рассуждает разумно. Я уже начал беспокоиться, что это запрещено служебным положением.

Ржевский не обиделся.

— А я, Максим Фёдорович, начинаю подозревать, что у вас хорошо кормят.

— Превосходно!

— Это усложнит расследование. Люди будут стремиться оставаться здесь дольше необходимого.

Хозяин впервые за весь вечер рассмеялся искренне.

Прохор принёс схему.

На ней были обозначены кухня, холодное отделение, хозяйственные помещения, весовая, кладовые и ледник.

Ржевский внимательно изучил проходы.

— Кто составлял?

— Наш служащий, — ответил Левитин.

— Хорошая работа. Укажите, где обнаружен Борисов.

Прохор показал.

— А весовая?

— Рядом, через служебный проход.

— Между ними можно пройти, не показываясь в большом зале?

— Разумеется.

— А не показываясь на кухне?

— Если воспользоваться задним коридором.

Ржевский отметил это карандашом.

— Кто распоряжался хозяйственными помещениями?

— Борисов.
— У кого имелись ключи?
— У него, у меня, у некоторых работников. Смотря от какого помещения.
— Перечень составим.
Следователь повернулся к Ланину.
— А вы кто?
— Илья Сергеевич Ланин. «Вечерний вестник».
— Очень хорошо.
— Вы так любите журналистов?
— Напротив. Но предпочитаю знать, когда они присутствуют.
— Чтобы не сказать лишнего?
— Чтобы они не написали того, чего я не говорил.
Ланин улыбнулся.
— Тогда мы, Аркадий Петрович, поладим.
— Это будет зависеть от вашей памяти.
— У меня хорошая.
— Память хороша, пока её не начинают украшать воображением.
— Значит, вы читали мои статьи.
— Некоторые.
Ржевский сказал это без улыбки.
Ланин понял, что знакомство начинается не с чистого листа.
✦
В ледник следователь вошёл вместе с врачом и полицейским чином.
Ланину позволили остаться у двери: он уже видел обстановку и мог пояснить свои наблюдения, но не должен был мешать осмотру.
Ржевский попросил вновь показать, где именно находился каждый из первых обнаруживших тело.
Прохор отвечал точно.
Тимофей путался.
— Я вошёл… Нет, сначала дверь открыл. Потом увидел руку. Мне показалось, мешок упал.
— А почему решили, что мешок? — спросил следователь.
— Там часто мешки стоят.
— А лицо видели?
— Когда свет поднял.
— Вы трогали тело?
— Нет.
— Совсем?
— Нет, ваше… господин следователь.
— Очень хорошо. Не волнуйтесь.
Тимофей перестал дрожать лишь немного.
— Вас кто-нибудь посылал сюда? — спросил Ржевский.
— За льдом.
— Кто?
— Аглая Антоновна.
— В какое время?
— Не знаю.
— До того, как господин Крыжин вернулся в зал, или после?
Мальчик задумался.

— После. Я слышал, как господа смеялись.

— Откуда?

— Из зала.

— Над чем?

— Не знаю.

Ржевский посмотрел на Ланина.

— А вы, вероятно, знаете?

— Нет. За вечер гости смеялись несколько раз.

— Прекрасный ответ. Наконец человек, способный признать пределы собственной памяти.

Следователь попросил записать показание.

После осмотра головы Борисова он повернулся к врачу.

— Ваше заключение?

— Повреждение могло быть причинено тяжёлым тупым предметом. Для точного вывода требуется дальнейшее исследование.

— Время смерти?

— Установить до минуты не могу. Холодное помещение осложняет оценку.

— Есть признаки, что тело перемещали?

— Положение тела не исключает этого. Но судить только по нему нельзя.

Ржевский кивнул.

— Хорошо.

Затем обратился к Прохору:

— Покажите весовую.

V. Две комнаты

Весовая находилась настолько близко к леднику, что Ланин удивился собственной невнимательности.

Он не раз проходил по этому коридору, но прежде не задумывался, насколько удобно можно было перемещаться между помещениями, не выходя к гостям.

Комната была невелика.

У стены стояли большие весы с тяжёлым деревянным основанием. На полках лежали гири разного размера. Рядом помещался узкий стол для записей.

На столе находились чернильница, счётная книга и деревянная линейка.

Ржевский осмотрел комнату.

— Здесь сегодня работали?

— Разумеется, — ответил Левитин. — С утра до вечера.

— После обнаружения тела?

— Не думаю.

— Проверим.

Следователь подошёл к весам.

— Гири должны находиться здесь?

— Да.

— Кто отвечает за их сохранность?

— Борисов.

— Сколько должно быть?

Левитин растерялся.

— Я не помню.

— Найдём опись.

Ржевский взглянул на пол.

В узком промежутке между столом и стеной темнело пятно.

Он подозвал врача.

Тот присел.

— Не трогайте, — сказал Ржевский полицейскому, который уже наклонился с фонарём.

Врач осторожно осмотрел доску.

— Возможно, кровь.

— Возможно?

— Я не стану объявлять пятно кровью, пока не проведена проверка.

— Справедливо.

Ланин почувствовал неприятный холод.

В леднике крови было мало.

В весовой обнаружилось пятно, которого никто, кажется, не заметил.

— Здесь могло произойти нападение? — спросил он.

Ржевский посмотрел на него.

— Могло. А мог кто-нибудь порезать руку при работе. Вы знаете, сколько крови теряет человек, неудачно открывший консервную банку?

— В ресторане 1894 года?

— Вы понимаете, о чём я.

— Прекрасно понимаю.

Следователь посмотрел на весы.

— Господин Ланин, вы видели Борисова сегодня?

— Да.

— Когда?

— Перед началом ужина. Приблизительно в половине седьмого.

— Где?

— У этой комнаты.

— Он был один?

— Ждал Крыжина. Я видел, как они вошли сюда.

Ржевский перестал осматривать весы.

— Вместе?

— Да.

— Вы слышали разговор?

— Только начало. Борисов сказал, что разговор будет коротким.

— А потом?

— Дверь закрылась.

— Кто вышел первым?

Ланин помолчал.

— Не знаю. Я ушёл в зал.

— Значит, вы видели, как два человека вошли в помещение, где теперь обнаружены следы, которые могут оказаться кровью. Но не знаете, когда они вышли.

— Именно.

— Почему вы не сказали об этом раньше?

— Сказал Прохору, что последним видел Борисова у весовой. Вас ждал, чтобы объяснить точнее.

Ржевский кивнул.

— Правильно сделали.

Он повернулся к хозяину.

— Пригласите господина Крыжина.

Левитин побледнел.

— Вы его подозреваете?

— Я его ещё не спрашивал.

— Но это мой лучший повар!

— Разумеется. А Борисов был вашим кладовщиком. Надеюсь, вы не станете требовать, чтобы я оценивал свидетельства по квалификации служащих.

Левитин замолчал.

Крыжин вошёл через несколько минут.

Увидев следователя, он поклонился.

— Егор Матвеевич Крыжин. Чем могу быть полезен?

— Для начала расскажите, когда видели Борисова в последний раз.

— Перед ужином. Он просил зайти по хозяйственному делу.

— Куда?

— Сюда.

— В котором часу?

— Около половины седьмого.

— И о чём говорили?

— О расходах, продуктах и старых счетах.

— Каких именно?

— О разных. Григорий Кузьмич любил вспоминать давние расчёты.

— Вы ссорились?

Крыжин медленно поднял глаза.

— Мы спорили.

— Это одно и то же?

— На кухне нет. Спор бывает полезен. Ссора обычно портит обед.

— А сегодняшний разговор?

— Был неприятен.

— Почему?

— Потому что Борисов требовал денег.

Левитин резко повернулся.

— Денег? За что?

Крыжин посмотрел на него.

— За то, что считал своим правом.

— Каким правом?

— Максим Фёдорович, у нас старые семейные обстоятельства. Не думаю, что необходимо обсуждать их при всех.

Ржевский вмешался:

— При всех действительно не нужно. Но мне — придётся.

Крыжин кивнул.

— Разумеется.

— Когда вы расстались?

— Незадолго до семи.

— В каком состоянии был Борисов?

— Жив, здоров и крайне недоволен.

— А вы?

— Тоже недоволен. Но значительно лучше воспитан.

Левитин невольно улыбнулся.

Ржевский остался серьёзен.

— После этого куда направились?

— На кухню, затем переодеться. К четверти восьмого всё было готово. Около двадцати пяти минут восьмого вышел к гостям.

— И оставались в зале?
— Почти всё время.
— Почти?
— Уходил ненадолго по хозяйственному делу.
— Когда?
— После восьми.
— Надолго?
Крыжин посмотрел на Ланина.
— Минуты на три или четыре. Господин журналист, кажется, даже заметил.
— Четыре, — подтвердил Ланин. — По моим карманным часам.
— Вот видите.
Ржевский повернулся к нему.
— Ваши часы сверены?
— Нет.
— Значит, пока будем говорить: приблизительно четыре минуты.
Крыжин кивнул.
— Это вполне соответствует действительности.
— Куда уходили?
— Проверить расходные документы.
— Где?
— В хозяйственном отделении.
— Вас кто-нибудь видел?
— Вероятно. Люди сновали туда и обратно.
— Постараемся установить кто именно.
Крыжин спокойно склонил голову.
— Разумеется.
Ржевский закрыл записную книжку.
— Пока достаточно.
— Я могу возвращаться к работникам?
— Можете оставаться в ресторане. Покидать его без уведомления не следует.
— Понимаю.
Крыжин повернулся к Левитину.
— Максим Фёдорович, распорядитесь, пожалуйста, накормить людей. Они с утра на ногах.
— Сейчас? — удивился хозяин.
— Сейчас. Ужин для гостей закончился. Но кухня не перестала быть кухней.
Он поклонился следователю и вышел.
Ржевский некоторое время смотрел ему вслед.
— Любопытный человек.
— Прекрасный! — немедленно сказал Левитин.
— Возможно. У меня нет причин спорить с вами о его кулинарных достоинствах.
— А о человеческих?
— Для этого мы здесь и находимся.

VI. Дочь кладовщика

Софья Борисовна вернулась около одиннадцати.

Она вошла через боковую дверь, потому что главный вход уже был закрыт для публики.

Левитин встретил её сам.

— Софья Борисовна…

Она сразу остановилась.

— Что случилось?

— Прошу вас пройти со мной.

— Что с отцом?

Левитин открыл рот.

Неожиданно все слова, которыми он так легко убеждал гостей и торговых партнёров, исчезли.

— Произошло несчастье.

Софья посмотрела ему в глаза.

— Он умер?

Левитин не смог ответить.

Она поняла.

Несколько мгновений стояла неподвижно.

Потом осторожно сняла перчатку.

Одну.

Вторую почему-то не стала.

— Где он?

— Софья Борисовна, вам не следует…

— Где мой отец, Максим Фёдорович?

— В хозяйственном отделении. Там полиция.

Она попыталась пройти мимо.

Левитин не удержал её.

Но навстречу уже шёл Ржевский.

— Софья Борисовна Борисова?

— Да.

— Я судебный следователь Ржевский. Прежде чем вы увидите отца, мне необходимо задать несколько вопросов.

Она посмотрела на него.

— Он действительно мёртв?

— К сожалению.

— Это был несчастный случай?

Ржевский помолчал.

— Сейчас мы проверяем все обстоятельства.

Софья опустила голову.

— Значит, нет.

Ланин наблюдал со стороны.

Ему было неприятно, что он присутствует при чужом горе, но ещё неприятнее было сознавать, что часть его уже запоминает каждое слово.

Журналистская привычка оказалась живучее сострадания.

Ржевский предложил Софье сесть.

— Вы сегодня разговаривали с отцом?

— Утром.

— О чём?

— О деньгах.

— Он просил у вас?

Она горько усмехнулась.

— Отец редко просил. Обычно объяснял, почему я обязана.

Левитин вздрогнул.

— Софья Борисовна, сейчас не время…

— Напротив, Максим Фёдорович. Кажется, он уже никогда не сможет возразить.

Она помолчала.

— Мы поссорились.

— Сильно? — спросил Ржевский.

— Достаточно, чтобы я ушла, не попрощавшись.

— Вы видели его вечером?

— Нет.

— Где находились?

— В кондитерской.

— Одна?

Софья посмотрела на Левитина.

Тот немедленно отвёл глаза.

— Нет.

— С кем?

— С человеком, которого знаю давно.

— Его имя?

Она медленно застегнула снятую перчатку.

— Если это необходимо следствию, я назову. Но прошу не обсуждать его при посторонних.

Ржевский кивнул.

— Разумеется. Побеседуем отдельно.

Софья поднялась.

— А теперь можно увидеть отца?

Следователь посмотрел на врача, стоявшего неподалёку.

Тот тихо сказал:

— Я провожу.

Они ушли.

Левитин остался стоять посреди комнаты.

— Она меня не любит, — произнёс он неожиданно.

Ланин взглянул на него.

— Вы ведь не об этом хотели сказать.

— Не об этом.

Хозяин тяжело опустился на стул.

— Я хотел помочь ей. Всё время хотел. А она принимала любую мою помощь так, будто я предлагаю ей долговую расписку.

— Может быть, дело не в помощи.

— А в чём?

— В расписке.

Левитин молчал долго.

Потом спросил:

— Вы умеете говорить что-нибудь утешительное, Ланин?

— Плохо.

— Я заметил.

И всё же именно в эту минуту журналисту показалось, что перед ним сидит не состоятельный ресторатор, не мечтатель о русской кухне и не человек, способный купить редкие астрономические часы, а сын бедной кухарки, который научился зарабатывать деньги значительно раньше, чем понимать, почему на них нельзя купить расположение.

VII. Расходный лист

Следователь вернулся к хозяйственным документам около полуночи.

В комнате остались Ланин, Прохор и полицейский чиновник, составлявший опись бумаг.

Ржевский разложил перед собой расходные книги.

— Борисов вёл хозяйство аккуратно, — заметил он.

— Григорий Кузьмич мог не помнить, кого поздравил с праздником, — ответил Прохор, — но не забывал, кому выдал лишнюю ложку масла.

— И всё-таки одна запись вызывает вопросы.

Следователь поднял лист.

— Выдача холодных гарниров. Раковые шейки, каперсы, ланспик. Корзина третья.

Ланин насторожился.

— С синей бечёвкой?

— Здесь это отмечено.

— Два узла?

Ржевский посмотрел на него.

— Вы видели корзину?

— Видел. На холодной кухне. Аглая Антоновна распорядилась взять запасные гарниры после того, как поварёнок испортил приготовленные блюда.

— Когда?

— До начала ужина.

— Точнее?

— В начале седьмого часа. Около десяти минут седьмого, если судить по моим часам.

Следователь задумался.

— А когда подавали эти блюда?

— Первые закуски пошли около семи.

— Кто подтвердит?

— Официанты. Прохор Ерофеевич. Гости, если захотят вспомнить что-нибудь кроме вина.

Прохор кивнул.

— Холодную подачу действительно начали до выступления Егора Матвеевича. Но какие именно гарниры употребили, следует спросить Аглаю Антоновну.

— Спросим, — ответил Ржевский.

Он положил лист на стол.

— А теперь взгляните сюда, господин Ланин.

На бумаге стояла подпись:

Г. Борисов.

Рядом находилась короткая запись о выдаче продуктов.

В графе времени было выведено:

8 ч. веч.

Ланин прочитал.

Потом ещё раз.

— Восемь часов?

— Именно.

— Вечера?

— Указано совершенно определённо.

— Но корзина находилась на кухне ещё до семи!

— Вы уверены, что речь об одной и той же корзине?

— На ней была синяя бечёвка. Два узла.

— Этого недостаточно. Необходимо сопоставить номер, состав продуктов и свидетельства людей, которые её переносили.

— Конечно. Но…

Ланин замолчал.

Перед ним вдруг возникла другая картина.

Крыжин в парадном сюртуке.

Большой зал.

Аплодисменты.

Гости, слушавшие рассказ о русской кухне.

После четверти восьмого повар почти всё время находился на виду.

Он отлучился лишь на четыре минуты, когда Борисов, если верить расходному листу, ещё занимался выдачей продуктов.

Четырёх минут могло хватить, чтобы внести запись в хозяйственный документ.

Но едва ли хватило бы, чтобы убить взрослого человека в весовой, перенести тело в ледник, скрыть следы, переодеться и спокойно вернуться к столу.

— Кто вписал время? — спросил Ланин.

— Вот это мы установим.

— Борисов?

— Его подпись имеется. Но подпись и запись о времени не обязательно сделаны одновременно.

— А кто мог заполнить графу позднее?

Ржевский посмотрел на него.

— Тот, кому был доступен лист.

— Значит, любой кухонный служащий?

— Не любой. Выдача продуктов — дело учётное. Установим, у кого лист находился.

Следователь внимательно посмотрел на бумагу под светом лампы.

— Видите, фамилия написана одним нажимом, время — другим.

— Значит, подделка?

— Значит, нужно исследовать запись, а не восхищаться собственной догадливостью.

Ланин улыбнулся.

— Вы непростой человек, Аркадий Петрович.

— Вы тоже. Но я, по крайней мере, не собираюсь завтра печатать свои подозрения.

Журналист перестал улыбаться.

Ржевский это заметил.

— Вас что-то задело?

— Напомнили одну старую ошибку.

— Постарайтесь не повторить.

Он сложил лист отдельно от прочих бумаг.

— Завтра мы установим порядок выдачи продуктов, опросим поваров и проверим часы, на которые ссылаются свидетели.

— Даже астрономические?

— Особенно их. Дорогие часы, господин Ланин, имеют ту же неприятную привычку ошибаться, что и дешёвые.

— Только об ошибке дорогих часов рассказывают значительно красивее.

— Совершенно верно.

Ржевский велел приобщить расходный лист к остальным документам.

Ланин взял свою книжку.

На одной странице стояло:

«Около 6 ч. 10 м. — запасные гарниры на кухне».

Ниже:

«Около 7 ч. — первые закуски у гостей».

На другой:

«8 ч. веч. — выдача тех же гарниров по расходному листу».

Он посмотрел на записи.

Если все три относились к одной партии, получалось удивительное хозяйство.

Сначала повара получили продукты.

Потом приготовили закуски.

Затем гости их съели.

И только после этого кладовщик, согласно документу, выдал то, что уже было съедено.

Ланин поднял голову.

— Аркадий Петрович, а вы допускаете, что Борисов подписал этот лист заранее?

— Допускаю.

— И кто-то позже вписал время?

— Допускаю и это.

— Тогда бумага совсем не доказывает, что Борисов был жив в восемь часов.

— Совершенно справедливо.

— Но почему вы не сказали этого сразу?

Ржевский аккуратно закрыл папку.

— Потому что я ещё не знаю, кто написал время. А до тех пор одинаково опасно считать запись и правдой, и ложью.

Он поднялся.

— Идёмте, господин Ланин. На сегодня достаточно.

Журналист не двигался.

— Подождите.

Следователь остановился.

— Что ещё?

Ланин посмотрел на расходный лист.

— Одну вещь я всё-таки знаю.

— Какую?

— Корзина с синей бечёвкой была на кухне ещё до начала ужина. Я видел её собственными глазами.

— Это мы проверим.

— И если подтвердится?

Ржевский взглянул на документ, а затем на журналиста.

— Тогда придётся выяснить, кто и зачем заставил хозяйственную книгу рассказать о вечере то, чего в действительности не было.

Он погасил настольную лампу.

За дверью, в пустом ресторане, астрономические часы отбили полночь.

Ланин машинально достал карманные.

Ещё без двух минут двенадцать.

Часы по-прежнему расходились.

Илья Сергеевич спрятал свои.

Теперь ему предстояло разобраться не только в том, кто убил Борисова, но и в том, кому понадобилось изменить время, оставшееся после него на бумаге.

Глава седьмая

Соус не умеет лгать

Москва. 27 мая 1894 года. Утро после убийства.

I. Последний свидетель в фарфоровой миске

— Кто велел выбрасывать соус?

Павел застыл с большой фарфоровой миской над помойным ведром.

— Так ведь вчерашний, Аглая Антоновна.

— Я вижу, что не завтрашний. Кто велел?

— Егор Матвеевич сказал кухню привести в порядок.

— А порядок у тебя, голубчик, начинается с того, чтобы улики на помойку отправлять? Ты бы ещё расходную книгу в печь сунул: пламя чистое, следов никаких.

Павел поставил миску на стол. Не сразу: руки дрожали.

— Простите.

— Поставь ровно. Соус не виноват, что у нас люди голову потеряли.

Аглая Антоновна сняла крышку. В посуде оставался густой светлый провансаль, приготовленный к вчерашнему торжественному ужину. Поверхность потемнела у стенок. Она не стала его пробовать — только понюхала, осмотрела край, провела чистой ложкой по самому верху и снова накрыла.

— На стол гостям не пойдёт. Следствию, возможно, пригодится. И чтобы ни один палец без моего разрешения сюда не сунулся.

— А остальные?

— Какие остальные?

— В холодной кладовой ещё две посудины. Одна большая, другая маленькая.

— Принеси обе. Только не перепутай: на каждой своя история, и не всякую следует рассказывать за обедом.

Павел исчез.

Аглая подошла к окну. Утро было тёплым. Во дворе пахло влажным деревом, опилками и конским навозом. За забором извозчик сердито объяснял лошади, что при её стоимости она могла бы и повежливее обращаться с хозяином.

Вчера кухня гудела, как самовар перед чаепитием. Сегодня даже плиты казались притихшими. Ресторан, привыкший жить по часам, словно потерял завод.

И всё потому, что умер Григорий Борисов.

Она не любила его. Он вёл счёт чужим ошибкам с таким усердием, будто от каждой мог получить проценты. Мог напомнить о недостающем каперсе спустя полгода, а о неприятном разговоре — спустя восемь лет.

Но теперь его не было. Насовсем.

От этой мысли не спасала даже работа.

— Аглая Антоновна?

На пороге стоял судебный следователь Ржевский. Рядом — Илья Ланин, с блокнотом в руке и видом человека, которому удалось пронести на кухню ещё один вопрос.

— Доброе утро, — сказал Ржевский.

— Доброе оно разве что для воробьёв. У нас вчера человека убили.

— Согласен. Но другого утра в распоряжении следствия нет.

Он снял перчатки.

— Вы отвечаете за холодную кухню?

— Головой и жалованьем. Иногда кажется, второе рискует больше.

— Мне понадобится ваша помощь.

— Тогда сперва скажите: работать нам сегодня дозволено? А то люди со вчера стоят, как заливное без формы.

— После осмотра и описи. Пока ничего не выбрасывать.

Аглая показала на накрытую миску.

— Успели распорядиться, прежде чем вы приказали. Поварёнка вовремя за ухо поймала.

Ланин улыбнулся.

— Здесь любят опережать события, Аркадий Петрович.

— В следствии это бывает опасно.

— А на кухне, — парировала Аглая, — если ждать события, пока оно само придёт, гости съедят скатерть. Впрочем, начнём с того, что можно проверить.

Ржевский посмотрел на неё внимательнее.

— Именно за этим я и пришёл.

✦

II. Три миски

Павел принёс оставшиеся посудины. Аглая выстроила все три в ряд, как троих учеников, пойманных на одной проделке.

— Вот вам, господа, троица. Издали похожи, а характер у каждой свой.

— Всё это провансаль? — спросил Ржевский.

— В одной семье, да не близнецы. Состав, приготовление и назначение отличаются.

Она сняла крышки. В первой миске соус был плотным и желтоватым, во второй — светлее, а третья почти опустела: на стенках оставались следы масла и густой массы.

— Из желтков, масла, кислоты и приправ, — пояснила Аглая. — Но если просто свалить всё вместе и взбить, выйдет не провансаль, а обида на жизнь. Масло подают понемногу, не заставляя соус проглатывать больше, чем он способен удержать. Спешишь — он распадается. И потом хоть крестись, хоть молись, назад не склеишь.

— Вы можете установить час приготовления по виду? — спросил Ржевский.

— Час? Нет. Я повар, а не башенные часы. Могу сказать, как сделано, что с ним случилось и где промахнулся работник. Минуты у соуса не спрашивайте — он воспитанный, чужих секретов не выдаёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.